

ОТНЫІНЕ

БУДЕТ

ТАК

СИДОРОВ
ВАЛЕРИЙ

18+

Валерий Сидоров
Отныне будет так

«Автор»

2026

Сидоров В. М.

Отныне будет так / В. М. Сидоров — «Автор», 2026

От алкоголика Кларка уходит жена. Находясь в упадке сил он случайно находит свой старый велосипед. Решив прогнать тоску и уже бывшую жену из головы Кларк садится на велосипед и отправляется в маленькое путешествие по своему городку. По пути он натывается на знакомых и жителей и ненароком становится участником расследования, связанного с разбитой витриной кинотеатра, принадлежащего его другу Роберту. В книге развивается несколько сюжетных линий, которые в финале сплетаются воедино.

© Сидоров В. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	13
Глава 4.	17
Часть 2.	19
Глава 5.	19
Глава 6.	23
Глава 7.	27
Глава 8.	29
Глава 9.	32
Глава 10.	34
Глава 12.	40
Глава 13.	43
Глава 14.	45
Глава 15.	47
Глава 16.	49
Глава 17.	50
Глава 20.	54
Глава 21.	57
Часть 3.	58
Глава 22.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Сидоров

Отныне будет так

Часть 1.

Глава 1.

Городок Ривертук-сити — самый что ни на есть обыкновенный городок США, находившийся в штате Аризона. Местные называют его просто «Ривер», либо же «Тук». Первое название было взято от знаменитой местной реки¹. Ее так и называли — Ривер. Она протекает вблизи границы городка. На ее берег каждый выходной приходят местные, чтобы нанести на свою и без того поджарую кожу загар. Второе же название не несло в себе никакого смысла. Местные жители, судя по всему, решили облегчить себе жизнь, сократив название городка до простого «Тук».

Несколько сотен двухэтажных домов, отличить которые друг от друга почти невозможно. Скромных размеров городская площадь, покрытая потрескавшейся плиткой. В самом ее центре находился старый фонтан, размером чуть превышающий круглосуточный магазин, который находится всего в нескольких метрах от самой площади. Никаких тебе лавочек и зон для отдыха — только шестидесятилетняя плитка и кое-как работающий фонтан.

Сказать, что жители этого городка бедствуют, нельзя. Пару заводов (лет так пятнадцать назад их было больше) и пару-тройку адвокатских и юридических контор, где зарплата немного превышает минимального уровня. На жизнь хватало, да, но без особых излишеств. В общем, тут особо не жаловались.

Одна католическая церковь на весь город, где уже третий десяток лет служит один настоятель — Петри, открывается ровно в семь утра. Дом Господня не пользуется той популярностью, которая была раньше. Это связано с массовым оттоком людей в мегаполисы, где намного больше возможностей. Думаю понятно, что молодежь старается не задерживаться тут: после окончания школы они подают несколько десятков заявлений в колледжи и университеты крупных городов.

Если присмотреться, то можно увидеть небольшое озерцо, находящиеся по соседству с церковью. Местные жители в шутку называют его «болото» из-за темно-зелёного цвета воды, чему виной служил слив токсичных отходов. Рыбы здесь, разумеется, нет и вряд ли когда-либо появится. Люди обходили стороной это озеро; причиной тому был горьковатый запах, вперемешку с какой-то кислятиной, который чудом не достигал церкви Петри.

Захудалый кинотеатр 1970-х годов, куда сбегается молодежь, чтобы прогулять уроки, чем ради поиска эстетического удовольствия, находился почти на окраине города. Хозяин кинотеатра — славный, спокойного нрава мужчина, зовут его Роберт. Да, имя самое заурядное, то бишь он не изменяет традициям своего городка. Роберту давно хотелось отремонтировать вывеску кинотеатра — блеклые буквы, в некоторых местах отколотые, не создавали ощущения теплого приема гостей. Взрослые сторонились этого гремучего здания, который, по правде сказать, имеет от кинотеатра лишь одно название. Роберт может позволить себе такую тихую роскошь, как закупка продуктов на неделю, но не может заменить вывеску.

Школа под стать размеру городка и его населению — учеников здесь не больше двухсот, из которых почти половина либо отсиживается в кинотеатре, либо у берегов той самой реки.

---

¹ River (англ.) — Река.

Был случай, как весь класс, выразив протест физике, отправился напрямик в церковь Петри. Все пятнадцать человек в унисон читали молитвы, прося господу Бога убрать из школьной программы этот злосчастный предмет. Настоятелю Петри не то чтобы понравилась массовая молитва школьников, но это был первый случай за несколько лет, когда в церкви находилось более двух человек. Так что он не спешил прогонять их.

Конечно, как и в любом городке, здесь есть подростковый клуб с довольно-таки пресным названием: «Разбитые сердца». Чем они занимались? В целом — ничем. Разношерстная компания подростков от двенадцати до семнадцати лет собиралась в доме основателя «Разбитых сердец» — Томаса, раз в неделю, обычно по субботам. На этих собраниях каждый желающий мог рассказать о своих переживаниях. Например, недавно одна из самых видных фигур клуба — Даниэль — поделился историей о том, как школьный автомат не выдал ему газировку. Наш герой, явно не обделённый решимостью, нанес порядка пяти ударов прямо по стеклу автомата и тем самым сумел его разбить. Он спокойно забрал принадлежавшую ему газировку, но при этом умудрился порезать себе локоть о стекло. Отныне, у него не только разбитое сердце, но и локоть.

Примерно в квартале от дома, где проходят собрания клуба, на полной скорости мчался новенький Рэндж-Ровер, сотрясая утреннюю тишину улиц своим мощным мотором. Он остановился у одного из домов.

Сосед, живущий напротив домика, где остановилась машина, решил найти виновника раннего шума. Майкл, недавно вышедший на пенсию, увидев через окно, к какому дому припарковался дорогой внедорожник, позвал свою жену.

— Маргарет, смотри. — Майкл плотоядно поглощал своим взглядом машину, работающую на холостых оборотах. — Кажется, ты была права.

Маргарет готовила завтрак; на ней был перепачканный мукой фартук. Держа в одной руке сковородку, а в другой телефон, она подошла к мужу.

— Что случилось?

Майкл отошел в сторону, указав на стоящий через дорогу дом.

— Смотри.

Маргарет, отдав сковородку мужу, вытянула свою короткую шею поближе к окну.

— Да уж. — Она посмотрела на Майкла, будто прося у него помощи. — Мишель была права. — Маргарет снова посмотрела в окно, силясь разглядеть водителя автомобиля. — Надеюсь, что он хотя бы не старый.

Майкл почувствовал запах гари, тянувшийся с кухни.

— Маргарет, у тебя что-то горит.

— Ой, ой. — она выхватила из рук Майкла сковородку и побежала обратно на кухню. — Ало, да, Мишель? Ты здесь? — Маргарет протерла телефон, испачканный в муке, об штаны. — Ало. Да. Знаешь, что я видела сейчас? Да, ты была права. Бедный Кларк, да.

Голос Маргарет поглотило шварканье масла на кухне.

— Не дай Бог мне такое. — Отходя от окна, пробубнил Майкл.

Усевшись обратно на диван, он взял газету. Сегодняшний выпуск был не менее скучным по сравнению с предыдущим. Майкл устало водил глазами по строкам газеты, пока не наткнулся на статью про кинотеатр Роберта.

— «Сегодня ночью неизвестные разбили витрину кинотеатра, владельцем которого является достопочтенный Роберт Сильвер-младший.» — прочитал вслух Майкл. — Поотрывать бы руки этим соплякам.

Повернув голову к окну, Майкл боролся с желанием подойти к нему. Нет, подумал он, не надо на это смотреть. Кларку и так сейчас туго. Он бросил газету в сторону и включил телевизор, по которому шел репортаж о разбитой витрине кинотеатра Роберта.

— Чтоб вас всех. — Выключив телевизор, произнес Майкл. — Маргарет, когда будет завтрак? — Он лениво поднялся и побрел к аппетитному запаху, идущему с кухни. — Маргарет, сколько уже можно с ней болтать? Маргарет!

Водитель Рэндж-Ровера заглушил двигатель и вышел на улицу. Оценочным взглядом пробежавшись по дому, он презрительно ухмыльнулся. Водитель вальяжно облокотился об машину, посмотрел на свои дорогие часы и начал ждать.

Глава 2.

В прихожей стояло два чемодана ярко-розового цвета. С минуты на минуту, к ним должен присоединиться последний. На втором этаже, женщина, еле запихав вещи в чемодан, спустила его на пол, чуть не уронив его себе на ногу, и покатила вниз. Колесики чемодана, стукаясь об лестницу, вывели из хмельного полусна мужчину, что сейчас сидел на кухне.

Стол, за которым он сидел, был заставлен несколькими банками пива и двумя грязными чашками, из которых мужчина пил кофе. Его заплывшее лицо могло ужаснуть любого прохожего, выйдя он сейчас на улицу. Взъерошенные волосы каштанового цвета торчали во все стороны, будто его ударило током.

Повернув голову в сторону прихожей, он увидел свою жену, которая прошла мимо входа на кухню, неся за собой чемодан. Ее лицо ничего не выражало: ни грусти, ни радости, словно она ежедневно собирала чемоданы. Подтянутая фигура женщины говорила сама за себя. Эта особа никогда не упускала возможности покрасоваться собой на каком-нибудь корпоративе.

Женщина зашла на кухню, по пути закидывая свои распущенные волосы назад.

— Как же быстро собралась. — Облокотившись об спинку стула, произнес мужчина.

Женщина, не замечая сидящего за столом мужа, легкой, даже немного высокомерной, походкой подошла к одному из шкафов. Пошарившись в нем, она достала металлическую банку, открыла ее и достала оттуда тугую пачку зеленых купюр, после чего быстро убрала банку, словно она была радиоактивной и закрыла шкаф.

Обойдя кухню взглядом в последний раз, женщина фыркнула и направилась к выходу.

— Да, забирай все деньги, правильно, — кинул ей в спину муж, — у твоего же любовника денег нет. — Он ухмыльнулся.

Женщина, резко остановившись прямо у выхода, повернулась к нему. Она не забыла скрючить брезгливую морду, прежде чем обратилась к нему.

— Это мои деньги, Кларк. — Она посмотрела на пустые банки из-под пива. — Завязывай с этим. Посмотри в кого ты превратился — смотреть противно.

Кларк слабо улыбнулся. Он посмотрел на банки, потом на стоящий позади него холодильник.

— В холодильнике еще есть пару банок. Не беспокойся.

Решив разозлить жену, Кларк, грузно поднявшись со стула, подошел к холодильнику. Он чуть не вырвал дверцу, когда открывал его.

— Тебе дать на дорожку, Анджела? — Он выглянул поверх дверцы и с издёвкой посмотрел на нее. — Или вы предпочитаете более изысканные напитки, обходя стороной плебейские?

Анджела закатила глаза. Кажется, провокация Кларка сработала: её ноздри расширились настолько, что туда можно было просунуть несколько десятков соломинок, а к лицу прилила кровь.

Ну вот, подумал Кларк, хотя бы сейчас она испытывает хоть какие-то эмоции.

— Детский сад, — произнесла Анджела. — Ты даже не можешь по-человечески попрощаться. — Она следила за тем, как Кларк достает банки.

— В тебе нет ничего человеческого, чтобы попрощаться, как ты сказала, по-человечески. — Кларк ногой захлопнул дверь холодильника и направился обратно за стол. — Так что не тебе говорить про человеческое. — Он открыл банку и одним глотком выпил половину из неё содержимого. — Пиво хорошее, зря отказалась, — у него непроизвольно сжался кулак, — могу дать баночку твоему янки. — Кларк посмотрел на окно.

— Прощай, Кларк. — Анджела направилась в прихожую.

Злобно смотря ей вслед, Кларк поставил бутылку на стол. Судя по звукам, заключил он, Анджела начала обуваться.

Его жена, скоро бывшая, не могла найти обувную ложку. Повозив головой по прихожей, она смирилась. Пока Анджела использовала пальцы вместо ложки, Кларк вышел к ней и прислонился об стену.

Он и правда жалок, подумала Анджела, надев вторую туфлю. С Кларком не было будущего. Точнее, того будущего, которого хотела она. Низкооплачиваемая работа в затрапезной юридической конторе, каждодневное пьянство и нежелание спасти брак.

Чем только думала Анджела, выходя за такого человека замуж? Все было понятно сразу, но нет — она повелась на его милостивую улыбку до ушей и своеобразное, местами аморальное, чувство юмора. Она сквозь пальцы смотрела на его отсутствие вкуса в чем-либо. Слава богу, что за дизайн кухни отвечала только она. Анджела с опаской поглядывала на нездоровый интерес мужа к футболу — как же нам повезло, думала она, что он не начал делать ставки, а ведь она чувствовала, что до этого может дойти.

«Я заслуживаю лучшего», — как-то раз подумала Анджела. И вот, по счастливой случайности — для неё, на корпоративе мужа встретился владелец этой самой юридической фирмы и еще нескольких филиалов по всей стране, который живет не в каком-то захудалом Ривертук-сити, а в Лос-Анджелесе. Они разговорились, обменялись контактами, после чего каждый день общались по Интернету. Пока Кларк был на работе — Анджела писала своему любовнику, пока Кларк был у своего друга, где смотрел футбол — Анджела писала своему янки.

Через время они начали тайно встречаться, но редко из-за места жительства любовника. После нескольких тайных свиданий — они встречались в то время, когда Кларк был на работе — владелец юридической фирмы предложил съехаться.

Любовника, который носит имя Ричард, никак не смущал факт наличия у Анджелы мужа. И что еще более занимательно — он лично знал Кларка, успев познакомиться с ним на одном из корпоративов. Ричард, как и Анджела, считал, что Кларк — яркий пример как ничтожного мужчины, так и личности в целом, а жена этого неудачника сама неотразимость. Конечно, Ричард отвечал всем параметрам настоящего мужчины: красив, высок, богат, поддерживал демократов, во избежание толков в его сторону и, разумеется, думал, что свобода слова выражается в том, что ты вправе обматерить любого политика, — республиканца в первую очередь — и любого другого человека.

Сомнительно, что Ричард поставил Анджелу в известность о том, что, когда он начал с ней встречаться, у него было еще порядка пяти таких же «Анджел». Ричард не считал это существенной деталью, которая способна надломить их отношения. Вполне хватало того, что он демократ и богат.

— Кларк, займись собой, — Анджела открыла дверь. — Ты жалок.

Хлынувший свет с улицы заставил Кларка сощурить глаза. После того как он открыл их, то увидел, как Анджела выкатывает свои чемоданы.

Выкатывает их так, будто везет их на презентацию, подумал Кларк.

В Анджеле усживалась какая-то необъяснимая тяга понравиться окружающим любыми способами. Но при этом, если кто-то попытается разоблачить эту ребяческую наклонность, Анджела сразу же встает «в позу», доказывая, что ей нечего доказывать людям. По всей видимости, думал Кларк, Анджела знала, что, по большому счету, она ничего из себя не представляет. Сам Кларк не сказал бы, что он что-то представляет из себя, но ему хватило ума или смелости признать это. Поэтому, смирившись со своей местами тошнотворной прозаичностью, Кларк влачил — нет, просто жил. Жил, как и все.

Дверь захлопнулась, оставив Кларка наедине со своими мыслями.

Чего ей не хватало? Да, он пил почти каждый день. Но есть же пары, где муж пьет, и все идет своим путем. Может, дело в том, что он мало уделял ей времени? Скорее, так и есть. Кларк мало удивлял Анджелу — он редко дарил ей подарки. Неужто это правда, что женщинам всегда хочется нового? Хотя у каждой свой подход. Просто они с Анджелой разные. Вот и все

С другой стороны, Кларка можно было понять. Они поженились, как только обоим стукнуло двадцать два. Молодость — первые шаги к самостоятельной и осознанной жизни. Денег у них в то время, как и у почти всех в том возрасте, было немного. Кларку приходилось целыми днями пропадать на работе — в то время он пахал на машиностроительном предприятии, чтобы их не выгнали из съёмного жилья.

Со временем они смогли встать на ноги. Кларк окончил колледж в Ривертуке, смог позволить взять себе ипотеку и проводить больше времени с Анджелой. Он даже купил машину — хоть и не первоклассную. Конечно, трудности шли за ними попятам, как и в любой совместной жизни. Кларк хотел как можно скорее закрыть ипотеку. Работящий муж опрометчиво полагал, что Анджела хочет того же, что и он.

— Обязательно. — Крикнул в спину Кларк Анджеле.

Она не повернулась. Не попрощалась. Просто захлопнула дверь, будто скоро вернётся. Кларку показалось, что Анджела хочет, чтобы он в очередной раз, унижившись, выбежал за ней на улицу, слёзно умоляя остаться с ним в этом пропахшем перегаром доме. Довольно унижений, подумал он, хватит того, что этот паршивый мажор приперся ко мне домой — сверх неуважения.

Кларк вернулся на кухню, с отвращением осматривая бутылки пива. Только сейчас он понял, что начал пить сегодня специально, дабы разозлить Анджелу. Или он так хотел думать? Он же, правда, алкоголик.

Каждый день, будь то будний или выходной, Кларк со знакомой каждому алкоголику способностью находил причины и оправдания, почему он пьёт на этот раз. Трудный день, лёгкий день, обычный день, бросила жена — и так без конца. Бывало, что все обходилось, и у Кларка не было похмелья, а бывало и так, что он и с кровати не мог встать.

«Алкоголь убивает», — говорили они. Ну, значит, так и есть. Многие считают алкоголь лекарством — лекарством от всего. Тем не менее каждый понимает: алкоголь — это как пластырь на гниющую рану. Несколько бокалов — и ты в норме. Несколько выпитых стопок — и у тебя ничего не болит. Начинаешь смотреть своим страхам в глаза, чего не мог сделать, будучи трезвым. На утро твоя лживая смелость, родом из бутылки, говорить открыто не только про других, но и о себе, исчезает. И вот ты, отыграв настолько дешёвую комедию за вчерашним застольем, что хоть глаз выколи, делаешь вид, будто минувшим вечером говорил не ты, а если и ты — то, понятное дело, был пьян. Не считается.

Весь день, вне зависимости от того, где ты находишься, в голове отсчитываешь минуты и секунды, пока часовая стрелка на твоих наручных часах не достигнет цифры «шесть». И дальше по кругу. Ну вот проблема: в один из таких дней становится некуда идти. Просто некуда. Кларк понял, что алкоголь не окрыляет и не придаёт никакой уверенности в себе. Наоборот. С каждым пропитым днём он всё больше превращается в мешок этилового мяса, готового продать и обменять что угодно, лишь бы не смотреть своим страхам в глаза. Да, пьяный он чересчур смелый, но проблемы он не решал — он их размножал.

Приходит момент, когда ты и день не можешь провести в трезвости, потому что, пока пил, попутно увеличивал свои проблемы, а трезвым понимаешь, что натворил. Ты становишься настолько мелочным, настолько трусливым и плутоватым, что тебя бросает в дрожь любой шорох из кустов. Шорохи, которые принимаешь за сигнал: то, что тебя беспокоит, подбирается к тебе. Ты больше не в силах выносить на трезвую голову разговоры с людьми, боясь, что они невзначай подведут тебя к твоим проблемам и страхам.

И вот ты начинаешь пить днём. Беспорядочно. «Вы не достанете меня!» — кричишь ты во всё горло, предварительно скрывшись за бутылкой пива. Тут вопрос ставится иначе: что съяжет первым — твоя печень или психика? Обычно, первым идёт психика.

Кларк медленно подошёл к окну, отодвинул занавеску и посмотрел, как Ричард укладывает чемоданы Анджелы в багажник. Он не хотел, чтобы его увидели, иначе они подумают, что

ему не безразлично. Не дай Бог люди узнают о нас сакральную тайну — мне не все равно, как они воспримут меня.

Погрузив последний чемодан, Ричард, отряхнув руки, направился в салон, напоследок взглянув на дом. Кларк, заметив, что он смотрит в окно, быстро отошел в сторону.

— Придурок. — сказал Ричард, запрыгивая в салон машины.

Когда Кларк услышал звуки ревушего мотора, он снова посмотрел в окно.

Анджела, любуясь в зеркальце из косметички поправляла чёлку. Ричард подтянул её к себе и крепко поцеловал губы: он знал, что Кларк следит за ними. Наконец оторвавшись от пухлых губ Анджелы, Ричард покатил вперед. Как только машина тронулась, то она окатила мирской район тремя мощными гудками.

Кларк со злостью в глазах провожал машину до тех пор, пока она не скрылась за первым поворотом. Теперь — тишина. В прихожей слабо слышалось цоканье настенных часов. Их купила Анжела. Кларк набрал полную грудь воздуха и уселся за стол.

Вот и конец, размышлял он. Сложно вспомнить утро поганее сегодняшнего. Осушив банку пива, Кларк начал крутить её по столу, будто раскатывал тесто. Несколько оставшихся капель вылились на стол, Кларк вытер их пальцем и облизнул его кончиком языка, который слегка защищал от пива. После нескольких минут он открыл новую банку.

Паскудно на душе. Такое чувство, что ты вернулся с двухнедельного отпуска, видишь взломанную дверь, бегом заходишь внутрь и в ужасе осматриваешь, как вся квартира перевёрнута вверх дном. В принципе, так и произошло — Кларка ограбили. Теперь этот дом, который он хотел как можно скорее выкупить, был ему ненавистен. Создавалось ощущение, что стены на кухне, что окружали его, с каждой секундой сближаются к центру. Это тишина в доме говорила о многом. Сейчас он предпочёл бы слышать крики солдата, умирающего от смертельного ранения на войне, нежели находиться в этой застывшей от грусти тишине. Его затягивало всё глубже, только сам не понимал, куда именно. Может, в сон, а может, напрямик в ад. Казалось, еще минута на этой кухне — и Кларк начнёт крушить все вокруг.

— *Заткнись!* — Кларк резко встал со стула, отчего тот упал, и бегом направился в прихожую.

С явным презрением, он поднял голову и посмотрел на часы, что висели прямо над входной дверью.

Посмешище, как можно купить такие часы? Да ещё и повесить их в прихожей. Любой гость, увидев эту жалкую пародию на часы, постарается не затрагивать разговоры о вкусах хозяев.

Тик-так. Тик-так.

Кларк аккуратно приблизился к часам, словно опасаясь, что они заметят его. Его кулаки сжались настолько, что практически полностью побелили. Еще хоть один звук...

Тик-так.

Он резко подпрыгнул, в полёте зацепившись пальцами за верхний край часов, и сдёрнул их с гвоздя. Кларк отодвинул их немного вперед, как старик, который страдает дальнозоркостью.

— Мерзость. — Он перевернул часы и вынул из них две пальчиковые батарейки.

Тихий щелчок, извещающий об остановке циферблата. Как же Кларку хотелось остановить время — хотя бы на час, хотя бы на минуту или даже на секунду, и всё как следует обдумать.

Нет, его не раздражал сам звук часов — его раздражало то, что этот звук служил ему напоминанием о том, что время по-прежнему идёт. Эта беспощадность порой сводила Кларка с ума. Ему казалось, что над ним — да и над всеми — смеются в лицо. Ведь Кларк потерял жену. Неужели часам это непонятно? Они должны понять его и остановить время. Время не должно

идти сейчас. Кларк не знает, что делать дальше, так почему оно продолжает идти? Разве это честно?

Время всё понимает, подумал Кларк, вот только оно никогда не будет останавливаться. Чтобы ни случилось в твоей жизни, оно неотвратимо движется вперёд. Одно из самых страшных качеств времени — это полное равнодушие к горестям людей. Как бы хотелось, чтобы, переживая тяжёлые мгновения, время хоть немного притормозило. Мы не хотим, чтобы оно шло при таких обстоятельствах, постепенно лишая нас солнечных дней. Время забирает время.

Время не забирает самого себя, а нас. В каком-то смысле мы состоим из времени. Именно это составляющие оно и забирает. Отнимай нас, когда мы счастливы, скажем мы. Когда возвышены настолько, что готовы расщепиться в тебе. Забирай нас, когда мы будем готовы сказать тебе в лицо: «Я готов». Но ты отрываешь нас по частям, поджидая, когда наступят самые тёмные страницы нашей жизни — когда мы меньше всего этого хотим и сполна ощущаем, как ты терзаешь нас. Ты не собираешься и никогда не станешь считаться с теми, кто ниже тебя, тем более с людьми. Как же легко, зная, что тебе не могут навредить, вредить другим.

Кларк положил батарейки себе в карман. Застывшие часы переместились ему под мышку. Вот она — иллюзия нескончаемой жизни, когда можно спокойно подумать. Тишина служила ему доказательство того, что жизнь замерла.

Он пошёл на кухню, но резко остановился. Кларк посмотрел на лестницу, на которую ложился солнечный свет. Серая пыль, подсвечиваемая лучами, кружилась в воздухе немного выше ступеней, потихоньку опускаясь вниз. Для пыли существует время? Судя по её движению — нет.

Сжав часы еще крепче, Кларк подошёл к лестнице и в него тут же ударил свет. Он поднял руку, перекрываясь от лучей, и разогнал около себя пыль — та тут же сгруппировалась, образовав что-то на подобии крошечного смерча. Всмотревшись вверх, на второй этаж — он начал подниматься по скрипучим, намазанным лаком ступеням. Преодолев половину пути, Кларк обернулся и оценил высоту, на которой оказался. Кларк подозревал, что, если он прыгнет головой вниз, то, вероятнее всего, умрёт. Тогда всё прекратится, и время точно перестанет существовать, по крайней мере, внутри него.

Кларк вытащил часы и со страхом оглядел их. Он хотел убедиться, что они снова не начали движение. Стоят на месте, заключил Кларк. Когда он поймёт, что будет в силах выносить их тиканье, он вставит батарейки. Засунув часы обратно под мышку, ему не хотелось подниматься дальше, ибо он знал, что ждет впереди — их с Анджелой спальня. Однако он чувствовал, что именно туда ему надо.

Комната, в которой находились большая двухспальная кровать, шкаф-купе, две тумбочки по обеим сторонам кровати и туалетный столик около входа в ванну, вход в которую был с противоположной стороны от кровати, — имела массу воспоминаний. Отныне эти воспоминания, что недавно согревали Кларка, причиняли ему боль.

Он представил картину: по всей комнате хаотичными движениями крутятся невидимые взору, но не душе, разноцветные сферы, внутри которых без конца транслируются совместные с Анджелой воспоминания. Он нервно усмехнулся, на секунду поверив, что в спальне действительно витают сферы. Потрогав часы, он начал подниматься дальше.

Глава 3.

В коридоре был постелен плотный ковровин чёрного цвета, который никогда не нравился Кларку. На втором этаже было ещё светлее из-за большего числа окон и более обильного количества пыли в воздухе. Дышать стало неприятнее, Кларк даже пару раз чихнул, пока подходил к спальне. Дверь в комнату, куда он собирался войти, была открыта настежь. Анджела с Кларком всегда держали её закрытой, но только не сегодня. Сегодня всё было не так, как обычно.

Анджела оставила дверь открытой, будто хотела прогнать летающие внутри комнаты сферы воспоминаний. Тем не менее Кларк понимал, что они никуда не улетят, даже если ему взбредёт в голову разрушить эту спальню. Воспоминания навечно впечатываются в стены наших домов и квартир, как бы ты ни пытался их ломать. Это некий закон воспоминаний.

Кларк подошёл к двери и остановился у порога: раздвинутые дверцы пустого шкафа-купе, не считая вешалок, на которых раньше висели пожитки Анджелы; помятое покрывало в том месте, куда его жена ставила чемоданы. Тумбочка с её стороны была опустошена, полка отодвинута, тогда как вторая была завалена всяким хламом.

Он зашёл в спальню, сначала оглядел шкаф, потом свою тумбочку. Добравшись до изножья кровати, лениво пригладил покрывало и тяжело опустился на него. Теперь Кларк был похож на заблудившегося туриста в аэропорту. Его потерянный взгляд, в котором сквозил налёт страха, выглядел слишком уж драматично, вызывая скорее лёгкую улыбку, нежели сожаление. Он будто месяцами готовился к роли покинутого женой мужа, что растерянно восседает на кровати и ждёт помощи.

Кларк положил часы сбоку от себя и вытянул руки к потолку. Его голова непроизвольно повернулась в сторону окна, которое выходило на соседний участок.

Тучный сосед Кларка заговорщески оглядывал свой дом, особенно обращая внимание на входную дверь. Убедившись, что никто не собирается выходить на улицу, он на цыпочках направился к концу своего подстриженного газона, где находился маленький контейнер со льдом. Сосед остановился около него и, ещё раз оглядев свой дом, открыл контейнер, достал оттуда бутылку пива и моментально откупорил её. Радость так и извергалась из него в тот момент, когда он сделал два смачных глотка холодного напитка, а после — Кларк это понял по характерному движению губ — смачно рыгнул.

Надо как-нибудь пригласить его выпить, подумал Кларк.

Когда сосед осушил первую бутылку и потянулся за новой в контейнер, Кларк отвернулся от окна и встал с кровати. Подойдя к изголовью кровати, он уставился на то место, где спала Анджела. Кларк пытался вспомнить последнюю ночь, проведённую с ней в этой комнате.

— Чем займёмся на выходных? — оторвавшись от журнала, спросил Кларк.

Анджела быстро растеряла крем об руки.

— Не знаю. — ответила она, даже не взглянув на него.

— Всегда один и тот же ответ.

Кларк положил журнал на тумбочку. Внимательным взглядом пройдясь по равнодушному лицу Анджелы, он придвинулся к ней.

— Что-то случилось? — спросил Кларк. — Можешь мне сказать. Всё нормально.

Анджела устало взглянула на него. Она смотрела на него, как учитель, который в сотый раз объясняет необучаемому ученику одну и ту же тему.

— Ты пил?

— Немного. Три бутылки всего. А что? — Кларк слегка отдалился от неё.

— Ничего. — Анджела поставила тубик крема на тумбочку. — Просто спросила.

Поудобней устроившись на матрасе, Кларк обнял её за плечи.

— Сегодня на работе был такой завал. Даже не представляешь. — он притянул Анджелу к себе — она тут же отодвинулась. — Да что с тобой?

Та выключила ночник.

— Просто устала, Кларк. — она легла, повернувшись к нему спиной.

— Я тоже устал. — пробубнил он и выключил свет на своей стороне.

Кларк вернулся обратно на Землю. Пробежавшись глазами по кровати, он наткнулся на настенные часы. Они продолжали раздражать его. Он взял их и засунул обратно под мышку: только так он мог не видеть их. Прямо-таки как Ги де Мопассан со своей Эйфелевой башней.

К этому времени его соседа уже не было на улице. Видимо, пошёл домой допивать, подумал Кларк, а вот шланг забыл выключить. Теперь на улице снова никого не было, и виной тому жаркая погода.

Может, размышлял Кларк, выйду сегодня в город? Да, соберись. Похныкали и хватит. Жизнь продолжается. Ты же не хочешь провести остаток своей жизни в этой спальне со спёртым воздухом обид, оплакивая минувшие моменты своего супружества с Анджелой? Боль приходит и уходит. Уходит и приходит снова. Ты не исключение. Даже не думай, что такое произошло только с тобой. Случалось до тебя и случится после. Слишком много на себя берёшь — оставь хоть толику горя другим, ты не Иисус. Ты обычный человек, с которым приключилось вот это. Что «это»? Эта боль. Боль утраты. Заслуживаю ли я её? Кретин, дело не в том, чтобы пытаться понять, справедливо ли поступила с тобой жизнь. Смысл в том, сможешь ли ты выбраться из этого, а если сможешь, то каким образом ты это сделаешь.

— Да пошли вы все. — Кларк резко встал с кровати и направился к выходу.

Его подхватила злость, начав закручиваться в своём красно-оранжевом вихре, который достиг апогея, когда Кларк приблизился к лестнице. Всего несколько секунд назад он жалел себя, а теперь ругал. Само решение Анджелы уйти от него — правильное: он ужасный муж.

Кларк начал это понимать не после ежедневных упрёков Анджелы, не после того, как мало-мальски начал приходиться к осознанию того факта, что он алкоголик, и даже не тогда, когда Анджела собрала свои чемоданы и ушла от него. Кларк понял это только сейчас: ему стало противно даже смотреть на себя — на эту опухшую физиономию ежедневного выпивохи. На эти тонкие и сухие, как сено, волосы тёмно-каштанового цвета. Слишком долго он тешил себя мыслью, выдуманной, разумеется, им же: не он не такой, а другие — те, кто хоть как-то осуждали его жизнь.

Он всегда считал себя правым. Во всём, даже если не разбирался в этом. Это некая самозащита, подумал Кларк. Защита себя от самого себя. Напыщенная самоуверенность, чересчур отдававшая запахом гнили, выступала в роли щита, не подпуская его к факту, что он, честно говоря, пустышка.

Кларк вытащил часы из-под мышки и двумя руками сжал их так, что пластик умоляюще заскрипел.

Стрелка не идёт, а вот жизнь — да. Ничего не изменится, даже если ты переломаешь все часы на свете. Даже если откажешься принимать произошедшее, происходящее и предстоящее. Жизни попросту наплевать, веришь ли ты не только в неё, но и в справедливость её поступков — она будет идти. Всё будет рваться, гореть, тонуть и забываться, независимо от того, кем ты себя возмнишь. Как правило, людей, которые отказываются или не могут идти по избранной им стезе, затаптывают те, кто продолжает. Ты можешь запретить себе идти, но точно не другим.

Кларк со всего размаху кинул часы вниз на первый этаж. Они, покружившись в воздухе, с глухим стуком ударились об дверь, которая находилась сбоку от лестницы.

— Чёрт. — Кларк начал быстро спускаться вниз.

Он спрыгнул с лестницы, пролетев последние четыре ступеньки, и приземлился около осколков стекла, которые ещё недавно покрывали циферблат.

Подняв часы, Кларк с неприязненным взглядом оценил нанесённый им ущерб, затем перевёл взгляд на дверь, о которую они ударились. На месте удара появилась небольшая вмятина, но всё же заметная. Кларк прошёлся по ней пальцами. Делать нечего, придётся ремонтировать. Он аккуратно положил часы обратно на пол, направляясь на кухню за метлой.

Как только он зашёл на кухню, его чуть не сбил с ног резкий запах перегара, пота и чего-то горького. Уберусь позже, подумал он, беря метлу и совок, которые стояли в углу.

Пока Кларк убирал разбросанные по всей прихожей осколки, ему подумалось, что эти разбитые часы лучше всего отражают его нынешнее состояние. Он горько усмехнулся, как неожиданно к горлу подкатил ком слёз, настолько давящий изнутри, что Кларк выронил метлу и судорожно задышал. Казалось, ещё секунда — и он разрыдается. Слёзы полились наружу с такой силой, что у него закружилась голова и заложило нос. Он посмотрел на прихожую, но увидел лишь размытое перед собой изображение, будто оказался в мире художника-импрессиониста. Всё вокруг преломилось: любой объект, находившийся рядом с ним, лишился прежней формы.

Кларк неуверенно протёр руками мокрые глаза, но они снова наполнились слезами. Он, словно потерянный ребёнок, пытался разглядеть свои влажные ладони. Кларк не верил, что плачет; он вообще не верил во всё, что с ним произошло за прошедший час.

Когда я последний раз я плакал? — подумал Кларк. Может, лет десять назад, когда хоронил отца.

Постепенно его начало отпускать, и он понимал: плакать сейчас бессмысленно, это ничего не решит. Надо взять себя в руки. Вот, например, сейчас возьму и почию эту вмятину. Хоть как-то займу ум. Физический труд хорошо помогает сбежать от реальности не хуже самого алкоголя. Ну вот, грустно заметил Кларк, вместо выпивки занялся бы спортом. Однако если цель твоего занятия спортом — всё тот же побег от самого себя, то лучше ли это алкоголя?

К избеганию от самого себя быстро привыкаешь. Некоторые люди не выносят отпусков, терзаясь в ожидании возвращения на работу. Им сложно находиться наедине с собой и со своими мыслями, потому они начинают задавать вопросы. Там, на работе, не приходится думать о том, что происходит вокруг и как устроен мир. Но когда ты без работы, тебя отдают самому себе на съедение мыслям. Ты больше не в силах смотреть в окно, ходить по улице и замечать каждую выпадающую из общего строя твоей реальности деталь. Тебе хочется обратно туда, где спасут от угнетающих мыслей, способных заставить тебя усомниться в собственной правоте. Даже секунда откровения невыносима и отвратительна.

Тем временем Кларк выкинул осколки в мусорное ведро и поставил метлу с совком около мусорного ведра. Теперь ему предстояло починить дверь, которая вела в кладовку.

Он немного постоял у окна на кухне, желая увидеть хоть одного соседа, но по-прежнему никого не было. Опустив занавеску, Кларк направился в кладовку, где находились инструменты.

Подойдя к двери, он ещё раз осмотрел вмятину, пытаясь понять, как её грамотно залатать. Что-нибудь придумаем, сказал про себя Кларк, берясь за ручку двери. Он ощутил прохладный металл, что успокаивал его разгорячённую ладонь. Повернув её в сторону, он резко потянул дверь на себя. В кладовку проник свет из прихожей, однако внутри сохранилась всё та же мрачная атмосфера.

Кларк переступил порог и ощупал слева от себя стену, ища выключатель. Раздался щелчок, и лампа, которая угрожающе висела на худом проводе, неторопливо наполнилась теплым светом. Через пару секунд, она полностью загорелась, осветив пыльную кладовку. Кларк зашёл внутрь и заметил прямо перед собой несколько приколоченных полок, на которых стояли картонные коробки, газеты и сам ящик инструментов, ради которого он и пришёл. Он направился к ящику, по пути пиная валяющиеся на полу коробки с одеждой и прочим хламом. Наконец

дойдя до нужной полки, Кларк громко чихнул — пыли здесь было больше, чем во всех комнатах дома вместе взятых. Он помахал перед собой рукой, отгоняя от носа летающие частицы.

Тут нужно провести генеральную уборку, заметил Кларк, беря с полки ящик с инструментами.

Он уже направлялся к выходу, когда боковым зрением заметил какой-то объект у стены. Кларк повернул голову и тихо ахнул: в пару шагов от него, заваленный коробками, стоял его старый велосипед.

Глава 4.

Кларк положил ящик на пол и направился к велосипеду. Ему пришлось пробираться сквозь дерби лежащих коробок, рулонов обоев и старых чемоданов, прежде чем ему удалось добраться. Кларк небрежно скинул с велосипеда тяжелые вещи, и внимательно осмотрел его.

— Красавец. — Крутя руль в стороны, сказал он. — Давай посмотрим, как ты себя чувствуешь.

Кларк, взявшись за низ велосипеда, аккуратно поднял его вверх, следя за тем, чтобы тот не ударился об потолок, и понёс к выходу. Пока он разворачивался на сто восемьдесят градусов, он успел сбить несколько коробок с полок и чудом не задел лампу наверху. Он громко выдохнул, почти вслепую продвигаясь к выходу: мышцы уже начали сводить от нагрузки, лоб покрылся небольшими каплями пота, ноги слегка заплетались, спотыкаясь о разбросанный на полу хлам. Кларк подошёл к двери и облегчённо улыбнулся. Его нога ударилась о оставленный ящик с инструментами, про которой Кларк напрочь забыл. Не успев опомниться, как он полетел вниз головой с велосипедом в руках.

Из-за больших габаритов велосипеда, тот не смог протиснуться в вертикальном положении через дверь, посему, громко ударившись о косяк, остался в кладовке. Нельзя забывать и про Кларка, который при помощи мощной гортани издавал истошные вопли, пока его перекошенное лицо не достигло металлической рамы велосипеда. С глухими стонами он проехался по ней физиономией и в итоге оказался ничком на полу. Почувствовав, как его бровь начала отдаваться пульсирующей болью, Кларк поднял голову и увидел, что на пол начинает капать кровь. Он прижал бровь рукой и, пошатываясь, поднялся на ноги.

Удивительно, что я ещё зубы не выбил, подумал Кларк. Идиот.

Он подошёл к раковине на кухне, включил холодную воду и подставил под струю рассечённую бровь. Пока Кларк промывал лицо — что, кстати, взбодрило его, — он повернулся в сторону кладовки и посмотрел на валяющийся у входа велосипед.

— Вот тебе и первое за долгие годы приветствие.

Кровь остановилась. Кларк подошёл к велосипеду и немного пугливо посмотрел на него, словно опасаясь получить новый удар. Полностью чёрный, с несколькими царапинами на руле и раме, с соскочившей цепью и изношенным сиденьем — таков был старый велосипед. Кларк поднял его и вывел в прихожую.

Раньше Кларк часто ездил на нём по городу, даже на работу — это хорошо освежало ум, расслабляло его самого и отгоняло тревожные мысли. Впрочем, если не учитывать данные преимущества, то можно сказать, что ему просто нравилось ездить на велосипеде.

Пока всюю крутишь тугие педали, а в лицо бьет свежий ветер, ты мог любоваться мирскими улицами городка. Наблюдал за людьми и считывал их эмоции по лицам. Каждое было отдельной историей — со своими переживаниями или радостями. Во время поездки ты можешь увидеть множество людей, на мгновение прикоснуться к их жизни и узнать, насколько наш мир наполнен чувствами и спонтанными эмоциями. В одну и ту же секунду каждый переживает что-то своё — то, что, по его мнению, кажется наиболее важным. И в этот момент ему безразличны чужие горести и веселья: находясь с нами на одной планете, мыслями они находятся на своей. Поразительно: сейчас ты видишь счастливую парочку, идущую в кино, а через минуту тебе встречается заплаканная девушка, которую только что бросил парень. И так без конца — едешь по дороге и встречаешь сотни чужих «планет» — это некая солнечная система, невидимая лишь при невнимательном рассмотрении.

Кларк перевернул велосипед, чтобы надеть на него цепь. Закончив, он поставил его обратно на колёса, не в силах оторвать от него взгляд. Да, он был хорош даже спустя столько времени. Скорее всего, сказывались воспоминания Кларка, связанные с этим велосипедом,

отчего он казался ему во сто крат красивее, нежели он есть на самом деле. Наш взор способен как приукрашивать вещи, так и уродовать их — в зависимости от наших пережитых с этой вещью воспоминаний. Если нам вдруг взбредёт в голову узнать правду, стоит отложить эмоции на второй план. К ним мы всегда успеем вернуться, а правда — вещь коварная: часто ускользает от нас, и тогда нам снова приходится тратить время на её поиски.

Утренний свет ложился на велосипед, подсвечивая его так ярко, что казалось будто он вот-вот расплавится. Кларк крепко схватил руль, проверяя его на прочность.

В его голове происходила борьба. Нет, не то чтобы борьба — он пытался понять, настолько ли глупа идея, только что посетившая его. Кларку хотелось прокатиться на велосипеде по городу.

— Вспомним былое. — С улыбкой произнес он.

Кларк откатил велосипед ближе к входной двери, после чего отправился за пластырем на второй этаж. Он быстро забежал в спальню, стараясь не смотреть на кровать и пустой шкаф-купе. Зайдя в ванную, Кларк подошёл к раковине, нашёл маленькую аптечку темно-зелёного цвета, открыл её и достал пластырь.

В тот момент, когда Кларк закрыл аптечку и направился к выходу из ванной, он резко остановился. Стоило ему подумать о предстоящей поездке на велосипеде, как его начали одолевать сомнения. Может, он утратил свои навыки?

Он подошёл к зеркалу, оглядел своё лицо и задался вопросом: «Почему я не могу?». Кларк так и не нашёл ответ, поэтому, дёрнув плечами, бегом отправился обратно на первый этаж.

Спустившись в прихожую, Кларк поднял часы и аккуратно повесил их на стену. Он виновато стоял около них, ощупывая карман, где лежали батарейки. Кларк вынул их, но тут же засунул обратно. Нет, потом, подумал он, сейчас не могу. Пока не могу. Разжав карман, он вприпрыжку направился на кухню. Взяв мусорный пакет, Кларк быстро закинул в него пивные бутылки, а чашки, поставил в раковину и вышел в прихожую, где около велосипеда поставил мусорный пакет.

Кларк надел спортивные кеды и подошёл к велосипеду. Взявшись одной рукой за руль, на который повесил мусорный пакет, а другой за ручку двери, он грустно осмотрел прихожую, словно прощался с ней.

— Ну что, в путь.

Кларк открыл дверь и вывел велосипед на улицу.

Часть 2.

Глава 5.

Колёса велосипеда неприятно заскрипели, когда они спустились с небольшой лестницы на газон. Кларк, слегка волновавшийся перед предстоящей поездкой, оказался на траве вместе со своим старым двухколёсным другом. Вокруг ни души. Решив смазать скрипучие колёса и раму, он направился к гаражу. За то время, что Кларк забросил поездки на велосипеде, он изрядно набрал вес. Поэтому рисковать не стал: сначала смажет его, а потом уже оценит состояние.

С большим трудом Кларк поднял дверь гаража. Сюда, в отличие от кладовки, он навещался часто. Здесь стояла его машина — та самая, на которую он когда-то променял велосипед; тут же хранились автозапчасти и прочая мужская утварь. Кларк трепетно относился к порядку в гараже, считая его своей второй комнатой. Бывало и так, что Анджела доставала его настолько, что он уходил сюда пить: либо в машине, либо за верстаком, который он сделал ещё в студенческие годы. Нередко Кларк звал друга, чтобы как-то сгладить слегка угнетающую атмосферу и заглушить вонь машинного масла — в компании любые зловония ощущаются не так разительно, как в одиночестве. Короче говоря, всё здесь лежало на своих местах, так что Кларку не составило труда найти канистру масла.

Он мельком осмотрел свою машину Volkswagen Rabbit 2009 года под ярким белым светом ламп, находившихся под потолком. Кларк самолично установил их. Он потряс канистру и, убедившись, что в ней достаточно масла, направился к выходу.

Когда Кларк оказался на улице, то увидел своего соседа, который, бросив поливку газона, отправился пить домой. Сейчас его лицо не излучало той прежней беззаботности, как полчаса назад. Видно, жена прогнала его дальше поливать газон.

— Доброе утро, Кларк. — Крикнул сосед и помахал свободной рукой.

Кларк сделал вид, что заметил его только сейчас.

— Доброе утро, Стюарт. — Он помахал ему в ответ.

Стюарт подошёл вперёд, с интересом разглядывая велосипед, стоящий около гаража.

— Решили заняться спортом? — с улыбкой произнёс тот.

— Что? А, да. — Кларк нагнулся к переднему колесу и открыл канистру.

Сосед явно хотел с кем-то поговорить — то ли от одиночества, то ли из-за того, что он недавно получил от жены и теперь хотел снять стресс.

— Мне бы вот тоже не помешало намотать пару кругов по городу. — Стюарт с горечью взглянул на свой пивной живот. — Вместе с женой поедете?

Он надсмехается надо мной или просто не знает? — раздраженно подумал Кларк. Немного успокоившись, он повернул голову к соседу и натянуто улыбнулся.

— Поеду один. А вы почему без жены газон поливаете? — не удержался Кларк.

— Ну как почему? — Стюарт не заметил издёвку в его вопросе. — Каждый занят своим делом, — он посмотрел на вяло льющуюся воду из шланга, — от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Кларк аккуратно наклонил горлышко канистры к втулке переднего колеса. Когда масло полностью обволокло её, он подошёл к заднему колесу. Масла должно хватить, но ему не хотелось истратить всё на велосипед.

— Вы коммунист, мистер Стюарт? — шутливо спросил Кларк.

Стюарт, чуть ли не подпрыгнув, стал активно трясти своим заплывшим жирным лицом.

— Нет, нет. Что вы? — он наблюдал, как Кларк смазывает заднее колесо. — Просто фраза нравится.

Кларк поочерёдно прокрутил колёса, убеждаясь, что теперь те не скрипят, и затем взялся смазывать руль.

— Знаете, мистер Кларк, мне нравится, что мы с женой занимаемся делами, которые никак не соприкасаются друг с другом. Иначе мы бы давно надоели друг другу. Например, если бы поливали вместе газон — что тогда было бы с нами? Перегрызли бы друг другу глотки! — На последней фразе Стюарт чуть не уронил шланг.

Кларк крутанул руль в обе стороны, оценивая свою работу. Он успел измазать обе руки маслом, отчего они стали жирными и болезненно жёлтого цвета.

— В чём-то вы точно правы, мистер Стюарт. — Кларк закрыл канистру и поставил её на газон. — У вас, случаем, нет платочка какого-нибудь? — Он поднял руки, показывая свои измазанные маслом ладони соседу.

Стюарт положил шланг на газон и дружески улыбнулся.

— Сейчас. Одну секунду.

Спустя минуту он вернулся с одноразовым полотенцем в руках. Стюарт медвежьей походкой перешагивал свежо подстриженную траву — чем ближе он подходил к Кларку, тем шире становилась его улыбка. Зайдя на соседний участок, он ещё раз осмотрел велосипед.

Кларк пошёл к нему навстречу.

— Думаете, он жив? — кивнув на велосипед, с сомнением спросил Стюарт.

Кларк взял у него полотенце.

— Думаю, что да. Тем более, я не планировал ездить слишком долго. — Он вытер руки и засунул полотенце себе в задний карман. — Спасибо большое.

Кларк подошёл к двери гаража, берясь обеими руками за её верхний край. После нескольких попыток дверь громко стукнулась об землю, извещая, что гараж закрыт. Стюарт всё это время стоял позади Кларка, замороженно уставившись на велосипед.

— Мистер Стюарт, — Кларк украдкой взглянул на него, — сколько вы уже в браке?

Стюарт грузно перевалился с ноги на ногу и задумчиво почесал второй подбородок.

— Уже как лет двадцать пять, — от напряжения он сморщил лицо. — А что? Хотите пару советов? — Стюарт задорно подмигнул ему.

Кларк тоскливо взглянул на него.

— Думаю, они мне не особо нужны, — сказал он, направляя руль велосипеда в сторону проезжей части. — Просто стало интересно.

Стюарт, раскачиваясь из стороны в сторону, подошёл к Кларку и по-отечески положил свою пухлую руку ему на плечо, отчего того немного накренило в сторону.

— Кларк, если что, я могу помочь тебе. Я знаю толк в женщинах. — Он втянул живот, что Кларк заметил, но не стал акцентировать на этом внимание. — Держи меня в курсе.

Стюарт убрал руку с его плеча.

Кларк растерянно смотрел себе под ноги. Наивная добродушность и поразительная отзывчивость Стюарта, при том что Кларк не рассказал о своих проблемах, вызвали у него желание выложить всё — от начала до конца. Возможно, даже расплакаться. У него возникло ощущение, что Стюарт — единственный человек на планете, который способен понять его. Порой именно так и действует доброта чьих-то людей, подумал Кларк: мы можем делиться с ними нашей болью, чувствуя себя в безопасности.

— Спасибо, Стюарт. — Он пожал ему руку. — Ну, мне пора.

Стюарт крепко пожал ему руку, посмотрел на пустую улицу и весело произнёс:

— Никого, так что никто мешать вам не будет. Хорошей поездки!

Стюарт отправился обратно на свой участок, напевая какую-то песню.

Хороший мужик, подумал Кларк, смотря ему в след.

Он не спеша подошёл к тротуару. Ему было стыдно, и он не понимал, почему. От него уходит жена, а спустя чуть больше часа он садится кататься на велосипеде?

Что здесь такого, подумал Кларк, ещё неизвестно, знает ли кто-нибудь о том, что Анджела ушла от меня. Я захотел развеяться, уже грустно заметил он, никто не вправе запретить мне кататься. Буду кататься хоть весь день. Кларк гордо выпрямил спину и оглядел улицу, ища тех, кто не согласен с его мнением.

Перекинув ногу через велосипед, он поставил её на педаль и неуклюже сел на седло. Кларк задумался над словами Стюарта: может, у нас с Анджелой иначе? Было иначе. Мы занимались своими делами, не успевая надоедать друг другу. Но тут проблема, скорее, кроилась в том, что я вообще не проводил с ней время. Как нащупать эту золотую середину в браке — заниматься своими делами и при этом не забывать о жене?

Главное, продолжал размышлять Кларк, поставив ногу на асфальт, пока другая стояла на педали, не забывать, что происходит здесь и сейчас. Анджела ушла, да, но я всё ещё здесь. Дышу, смотрю и живу. Анджела мертва для меня. Пора принять это и не мучать себя. Сейчас я поеду на велосипеде по любимому городу, забуду свою прошлую жизнь и начну новую. Буду крутить педали, доводя себя до изнывающей боли в ногах, а когда приеду домой, упаду на кровать и тут же засну. После проснусь — и сегодняшнее утро покажется мне страшным сном, приснившимся когда-то в детстве.

— Кларк!

Кларк быстро повернулся в сторону. Его затуманенный взгляд говорил о том, что он до сих пор находится на облаках. Отогнав мысли, Кларк сфокусировал зрение на приближающейся фигуре. Это было его сосед, живущий в доме напротив, — Майкл.

Сосед остановился у мусорного бака, выбросил мусор и направился к Кларку. Во взгляде соседа было что-то вроде жалости, которая бывает у священников, когда ты приходишь к ним на исповедь.

Чёрт, подумал Кларк, он всё знает. По нему видно. Да он выглядит как Папа Римский. Думает, что я нуждаюсь в откровении?

— Здравствуйте, Майкл. — Кларк приветственно вскинул руку.

— Найдётся минутка? — Майкл пошарил в переднем кармане джинсовой куртки и достал пачку сигарет.

— Конечно, — настороженно ответил тот.

Майкл не спеша подходил к нему, на ходу доставая сигарету. По мере его приближения у Кларка учащалось сердцебиение. Ему казалось, что сосед сейчас выложит всю подноготную его личной жизни. Он немного опасался Майкла из-за его перманентно строгого, сердитого лица старика. Но сейчас в нём не было и следа излюбленной суровости. Он был каким-то мягким и открытым.

— Кларк, — Майкл неуверенно остановился рядом, теребя фильтр сигареты, — я знаю, что случилось. Не буду скрывать.

Кларк посмотрел на него так, будто, прогуливаясь по кладбищу, увидел привидение.

— Откуда знаете?

— Видел в окно. — Он засунул сигарету в рот. — И, по правде сказать, подруга Маргарет, Мишель, видела твою жену вместе с этим янки. Не знаю, почему не рассказал тебе тогда об этом. Думал, что это просто сплетни. Понимаешь?

— Понимаю... да. — Кларк не поверил, что Майкл считал это сплетнями. Скорее, он просто не хотел связываться с чужими семейными проблемами. — Наверно много кто видел её с ним. Только не я.

Майкл посмотрел ему прямо в глаза.

— Не думай об этом. Всё равно ничего не изменится.

— Да, вы правы.

— Она не любит его, — произнёс Майкл.

— Что?

— Она не любит его. Вот что я сказал.

Кларк внимательно всмотрелся в задумчивый взор соседа, направленный куда-то в сторону.

— Почему вы так думаете?

Майкл перевёл взгляд на Кларка. В его глазах читалось сомнение, будто он не знал, как правильно донести мысль.

— Знаешь, ей просто захотелось чего-то нового. Она, как глупышка, повелась на бумажки и машинки. Подумала, что это сможет заделать внутри неё дыру. Дыру в браке.

Он помолчал, затем продолжил:

— Чтобы ты знал: Анджела всегда считала виновником этой дыры тебя. Хотя это не совсем так. Виноваты вы оба. Никто из вас не хотел заделывать её. Только ты, Кларк, — он указал на него пальцем, — либо игнорировал, либо не замечал, что действительно происходит. Она же всё видела и чувствовала, но ничего исправлять не собиралась. В итоге это и привело к таким последствиям.

— Хотите сказать, что она любит меня? — Кларк был слегка раздражен.

— Не знаю, старик. Я пытаюсь не размышлять о любви — это опасное слово. Нужен дар, чтобы рассуждать о ней, либо нужно быть идиотом. Как правило, о любви и её природе обожают разглагольствовать именно последние. — Он заметил непонимающий взгляд Кларка. — Да, но сказать, что Анджела не любит его, я могу. Это было сразу понятно.

Майкл наконец зажёг сигарету и медленно затянулся.

— Я редко говорю о таких вещах. Только когда уверен. Так что поверь мне.

Кларк не знал, что ответить, и Майкл видел это по его растерянному, как у первоклассника, лицу.

— Жизнь слишком правдива, Кларк, — буднично сказал Майкл. — Она волей-неволей вскрывает и избавляет нас от лжи. А мы, не понимая, что лишились плохого, страдаем из-за этих утрат. Хотя, по-моему, нужно радоваться.

— К чему это? — спросил Кларк.

— Как к чему? Жизнь избавила тебя от лживой жены. Избавила от лживого брака.

Кларк задумался над его словами, оперевшись локтями об руль.

— Интересно, мистер Майкл.

— Да, более чем. — Он закашлялся влажным, болезненным кашлем и поправил штаны.

— Ну, езжай. Развеешь мозги.

— Спасибо.

Майкл махнул ему рукой, как бы говоря: «Не стоит».

— Попробуй высечь из своей трагедии комедию или типа того. На основе того, что я тебе сказал.

— Попытаюсь, мистер Майкл.

— Просто Майкл. — Он пожал ему руку, бросил окурочек и раздавил его носком ботинка.

— Мне пора.

Он шёл обратно в дом, пока Кларк смотрел на его покачивающуюся спину до тех пор, пока она не скрылась за входной дверью.

Кларк, делая глубокий вдох, поставил обе ноги на педали. Он привёл их в движение, а за ними и сам велосипед. Он стал набирать скорость, не имея понятия, куда направлялся.

Глава 6.

9:20 утра. Роберт, поникнув головой, стоял возле разбитой витрины своего кинотеатра. Он убрал крупные осколки, но мелкие, поблёскивая на земле, остались на прежнем месте. Для Роберта это был конец — где найти деньги на ремонт витрины, он не знал. Теперь даже школьники, прогуливающие уроки, не будут ходить на его сеансы. Как бы там ни было, кинотеатр придётся на время закрыть — до окончания ремонта.

Роберт подошёл к одному из осколков и подобрал его. Он подставил стекло под солнце, словно учёный, которому в руки попал редкий минерал.

— Свины, — произнёс он и швырнул осколок обратно на тротуар.

Из кинотеатра вышла жена Роберта, Шарлотта. На ней была старая футболка, предназначенная для грязных работ. Её светлые волосы были туго собраны в пучок. Потрепанные синие джинсы подчёркивали стройные ноги. Взгляд Шарлотты был до невозможности добродушным — казалось, что ещё немного, и из её зелёных глаз хлынут чистые слёзы сожаления. Тем не менее, когда того требовала ситуация, она могла быть прямолинейной и отстаивать свои личные границы.

— Кажется, ничего не украли, — произнесла Шарлотта.

Роберт болезненно посмотрел на неё.

— И на том спасибо. — Он пнул несколько мелких осколков в сторону кинотеатра. — Зачем так поступать? Кто способен на это? — Роберт развёл руками, охватывая то пространство, где раньше находилась витрина. — Вот когда я их найду...

Шарлотта подошла к нему и нежно поцеловала в щёку.

— Что сказала полиция?

— Ха, — Роберт махнул рукой, — сказали, что, скорее всего, это были подростки. Пообещали найти. В чём я сильно сомневаюсь.

Роберт почти год откладывал деньги на ремонт вывески кинотеатра, но теперь об этом можно забыть — все сбережения пойдут на новую витрину. Бывали трудные дни, когда он серьёз задумывался о продаже своего кинотеатра. Выручка была минимальной, можно сказать, почти нулевой. Роберт чудом держался на плаву.

Видимо, размышлял он, глядя на выцветшую вывеску, пришёл ожидаемый конец. Сделаю витрину и продам это убожество.

— Мы починим витрину. Всё будет хорошо. — Обняв мужа, тихо произнесла Шарлотта.

— Понятное дело, что отремонтируем. Только на это уйдут все деньги. Все! И каким образом мы будем обеспечивать этот чёртов кинотеатр?

— Что-нибудь придумаем. — Шарлотта грустно оглядела скопище осколков на тротуаре.

В нескольких метрах от них на полной скорости, сквозь ветер и утреннюю жару, нёсся велосипед. На нём с мечтательной улыбкой восседал Кларк. Он подставил лицо под бьющие его потоки встречного вихря, что задувал ему под футболку, отчего та немного вздулась. Превратившись в толстяка, Кларк сызнова привыкал к велосипеду. Поначалу ему было непривычно управлять им после длительного перерыва, но теперь он чувствовал себя гораздо увереннее. Он стрелой мчался всё дальше, бороздя улицы своего любимого Ривертука-сити.

Это была отличная идея, думал Кларк. Ничего лучше и придумать нельзя, клянусь. Сегодня точно объеду весь город, а там посмотрим, может...

Кларк прервал планирование маршрута, заметив рядом с кинотеатром Роберта и Шарлотту. Супруги, прижавшись друг к другу, стояли перед россыпью осколков. Слегка подогнутые ноги Роберта создавали ощущение, будто он сейчас потеряет сознание.

Сбавив скорость, Кларк остановился возле двух поникших фигур. Некоторое время он боялся окликнуть их. Однако Роберт, повернувшись, чтобы зайти внутрь кинотеатра, заметил его.

— Привет, Кларк. — устало произнёс Роберт.

Кларк поставил велосипед на подножку и направился к ним.

— Привет, Роберт. — Он посмотрел на осколки, потом на то место, где должна была находиться витрина. — Что здесь стряслось?

Роберт резко взялся за сердце, словно туда вошла пуля.

— Сегодня ночью мне разбили витрину! — В доказательство своих слов он подошёл к осколкам и показал их Кларку. — Как так можно?

Да уж, не только у меня не заладилось утро, подумал Кларк.

— Ты знаешь кто это был?

— Не имею представления. — Ноги Роберта подогнулись настолько, словно он хотел присесть на землю, но резко передумал.

Кларк подошёл ближе к кинотеатру. Сегодня у него не было ни времени, ни настроения читать новости. Он был уверен, что о разбитой витрине Роберта написали все городские новостные издательства — целых два. Для Ривертука это было резонансным делом. Крайне редко в городке происходят подобные происшествия. Любимый всеми жителями городок славился своим низким уровнем преступности. Витрина кинотеатра заметно подпортила эту безукоризненную статистику.

— Подростки, может. — сказал Кларк.

Шарлотта смотрела дальше по улице и отстранённо ответила:

— Да, полицейский сказал то же самое.

— А я давно говорил, что тут необходимо поставить камеры, — резко сказал Роберт. — Уже неважно. — Он посмотрел на Кларка. — Хочешь попкорн? Мне уже нечего терять.

Кларк не хотел брать попкорн, но подумал, что Роберт обидится на него, если откажется, поэтому согласился.

— Какой вкус?

— Есть карамельный?

Роберт молча кивнул и направился внутрь кинотеатра.

Шарлотта с глубокой болью в глазах посмотрела на почти бесцветную вывеску кинотеатра. У неё был такой вид, точно она сейчас впадёт в истерику.

— Вывеску тоже нужно поменять. — Заметил Кларк, но тут же пожалел об этом, увидев лицо Шарлотты.

— Понятно, что надо. Только денег на это не хватит.

Тем временем Роберт вернулся на улицу. В его руке было маленькое ведерко карамельного попкорна. За то время, пока он набирал попкорн, его лицо стало ещё более недовольным и опечаленным. Роберт не мог определить, какой именно эмоции поддаться в первую очередь.

— Держи, Кларк, — он протянул ведёрко попкорна, затем посмотрел на Шарлотту. — Ты была не права. Эти свиньи украли три ведра попкорна.

Шарлотта виновато взглянула на него.

— Извини. Я не считаю ведра.

— Зато я считаю.

Кларк напряжённо размышлял над тем, кто мог разбить витрину. Кто-угодно, подвёл он итог. Камер здесь нет, как и свидетелей. Наверно, нет. Едва ли полиция найдёт виновных. Бедный Роберт. Может, траты покроет страховая? Если бы это было так, Роберт не горевал бы так сильно и не досадовал из-за нехватки денег.

— Не понимаю, — жуя попкорн, сказал Кларк, — как вам удаётся сохранять брак, имея столько проблем, в том числе финансовых.

— Без понятия. — упаднически ответил Роберт. — Мне уже хочется взять и...

— Любовь, — перебила его Шарлотта. — Для любви нет преград — они лишь в голове. Любовь помогает преодолевать всё. Каждый раз, когда случается что-то плохое и ужасное, то вспоминаю, что я не одна. — Она посмотрела на Роберта. — Любовь способна заживлять сердца, а значит, витрину кинотеатра — и подавно.

Роберт с выпученными глазами и разинутым ртом смотрел на свою жену. Он явно не ожидал такой речи. Шарлотта никогда не отличалась словоохотливостью, но в это раз, что-то заставило её говорить. Может, ради собственного успокоения.

— Ого, — только и мог произнести Кларк, — А как, по-вашему мнению, найти любовь?

Шарлотта поправила пучок на голове и сказала:

— Никак. Её нельзя найти. Она приходит сама — к тем, кто достоин.

— А кто достоин?

— Тот, кто готов принять её.

Кларк не знал, что ответить. Задавать уточняющие вопросы он не хотел, чтобы не выглядеть идиотом, поэтому повернулся назад, чтобы проверить на месте ли его велосипед.

— В принципе, она права, — все ещё не отойдя от удивления, сказал Роберт. — А у тебя как дела?

— Да всё как обычно, — опустив глаза к ведёрку попкорна, тихо ответил Кларк. — Решил покататься.

Роберт внимательно посмотрел на его лицо.

— Видок у тебя, если честно, не очень.

— Спал плохо.

— Почему плохо? — не унимался Роберт.

Кларк посмотрел на него, как военнопленный, просящий пощады.

— Кошмары.

Роберт засунул руки в карманы и начал обходить место, где валялись осколки. Кларк присоединился к нему.

— Ты правда думаешь, что это совершили подростки? — спросил Роберт.

— Да.

Роберт ничего не ответил и продолжил идти вперёд, глядя себе под ноги. По его лицу было понятно, что он чём-то задумался и, зацепившись за мысль, никак не хотел упускать её. Кларк обернулся и увидел, что Шарлотта принесла метлу и начала подметать мелкие осколки в маленькую кучу у двери.

Кларку не хотелось наседать на Роберта и Шарлотту, поэтому он решил попрощаться и отправиться дальше в путь, как вдруг Роберт резко остановился и закричал на всю улицу.

— *Aga! Порезался, сучёнок?*

Кларк дернулся всем телом, едва не выронив ведёрко. Он посмотрел, куда указывал Роберт: на тротуаре тянулась тонкая дорожка из нескольких капель крови темно-бордового цвета.

— Порезался преступник?

— Очень даже вероятно, — произнёс Роберт, разглядывая кровь.

Кларк боялся чужой крови — от одного её вида у него начиналась кружиться голова и скручивало живот. Он отвернулся, пока Роберт, опустившись на колени, продолжал рассматривать капли. Кларку вдруг показалось, что сейчас его знакомый достанет из заднего кармана пробирку и отправит образец на экспертизу.

— Это немного радует, — сказал Роберт, — кинотеатр дал отпор!

Кларк не хотел находиться рядом с кровью, пусть её и было всего несколько капель.

— Роберт, мне пора.

— Да, конечно. — Он посмотрел на Кларка, потом снова на кровь. — Пойдём, провожу тебя.

Они быстро дошли до велосипеда, не проронив ни слова. После обнаружения следов крови Роберт стал совсем серьёзным.

— Давай мне, я выкину, — он забрал у Кларка ведёрко попкорна.

— Спасибо за попкорн. Думаю, всё будет хорошо.

— Хотелось бы, — Роберт нервно мямл верх ведёрка, — очень хотелось бы.

— Жду приглашения в кино, когда починишь витрину и вывеску, — с улыбкой сказал Кларк.

Роберт шуточно замахнулся на него ведёрком.

— Езжай уже.

— Увидимся, Роберт.

— Не сомневайся.

Кларк оттолкнулся ногой от дороги, поставил её на педаль и тут же начал быстро крутить. Попутный ветер снова ударил ему в лицо. Футболка, подобно флагу, развевалась, издавая характерный шелест. Сил у него было достаточно, так что останавливаться он точно не собирался.

Глава 7.

— Я тебе говорю, у «Манчестер Юнайтед» нет шансов в этом сезоне!

— Игроки в хорошей форме. Не носи фигню. У них отличные шансы.

— Я тебя умоляю.

Двое друзей — Брэд и Карлсон — неторопливо шли по городской площади, направляясь на собрание клуба «Разбитых сердец». Обоим было по шестнадцать лет, и у обоих, как считали друзья, было разбитое сердце. Поэтому они решили вступить в этот вирально набирающий популярность клуб. Это было уже третье собрание для Брэда и Карлсона. Пока что им не хватало отваги поделиться с участниками своими причинами вступления в клуб. Хотя они до жути просты: и Брэда, и Карлсона бросили девушки.

Причём Карлсона всего через три дня после Брэда. Именно поэтому они прекрасно понимали боль друг друга.

— Ты сегодня собираешься что-нибудь говорить на собрании? — спросил Карлсон.

— Не знаю... — Брэд растерянно посмотрел себе под ноги. — А ты?

— Не уверен.

Брэд меланхолично вздохнул. Он думал, что ему стоит рассказать свою историю, как начнутся насмешки, а там недалеко и выдворение из клуба, школы... В общем, неминуемая катастрофа.

— Мы будем выглядеть полными идиотами, если так и продолжим молчать. — Сказал Брэд.

— Мы и так уже так выглядим, — ответил Карлсон.

Карлсону вспомнилась недавняя история одного из членов клуба — Даниэля, в которой он разбил стекло продуктового автомата в школе и порезал себе локоть. Друзьям не терпелось увидеть разбитый автомат. Вчера их не было в школе, так как они всем классом ездили на экскурсию, а сегодня была суббота, выходной. По мнению Карлсона, чтобы разбить школьный автомат с едой, нужно обладать немалым мужеством и величественным равнодушием к государственному имуществу.

— Как думаешь, та история про разбитый автомат — правда?

— Откуда мне знать? Если и правда, то этот Даниэль псих.

Карлсон ничего не ответил.

— Лучше бы подумал, как нам начать свою речь. — серьезно проговорил Брэд. — Ну и свиньи.

— Что?

Брэд указал на старую плиту городской площади.

— Ну да, можно было бы и выкинуть.

Около друзей валялось пустое ведёрко из-под попкорна. В нескольких метрах находилась мусорная корзина, однако это не помешало кому-то бросить ведёрко прямо посреди площади.

Брэд поднял мусор, дошёл до мусорки и выкинул его.

— Давно мы не ходили в кино, — заметил Брэд, отходя от мусорки.

При упоминании кинотеатра Карлсон вспомнил сегодняшнюю новость.

— В кинотеатре разбили витрину. Видел сегодня по телевизору.

Брэд посмотрел на него так, словно поблизости от них взорвалась атомная подстанция.

— Может взглянем? Время ещё есть?

Карлсон оттянул рукав своей джинсовки и посмотрел на часы Casio.

— Минут тридцать в запасе.

— Отлично. Пошли.

Друзья свернули в сторону. Они должны были выйти на улицу Мальборо, а оттуда попасть на Секрет-стрит, где находился кинотеатр Роберта.

Глава 8.

Кларк завернул на улицу Мальборо — он решил доехать до городской площади. Время было почти десять утра: местные начали потихоньку выходить из своих жилищ — кто в магазин, кто просто на прогулку. Машин тоже заметно прибавилось. Люди, мимо которых проезжал Кларк, суетливо оборачивались, желая убедиться, что это происходит наяву: Кларк, офисный клерк и алкоголик, в свой выходной едет на велосипеде.

В голове велосипедиста постепенно выстраивался маршрут. После площади, он собирался немного отдохнуть. Одним из главных пунктов назначения была церковь настоятеля Петри. В последний раз Кларк был в его церкви лет так шесть назад. Он не знал, когда именно доберётся до неё, но был уверен, что заедет к добродушному настоятелю.

Пока он дорабатывал своё турне по городу, впереди нарисовалось двое подростков. Кларк узнал их — это были Брэд и Карлсон. Он запомнил ребят со дня профессиональной ориентации, который проходил пару месяцев назад в школе. Директор лично пригласил Кларка, чтобы тот вкратце рассказал про свою работу адвоката. Самыми заинтересованными в классе оказались именно эти двое.

Подростки не видели его, они о чём-то оживленно разговаривали. Брэд даже пару раз шлепнул себя по ноге: видно, разговор имел насущную тему.

Когда велосипед оказался всего в нескольких шагах от друзей, один из них, Брэд поднял голову и увидел мчащегося Кларка. Он радостно вскинул ему руку — Кларк ответил ему.

— Мистер Кларк! — не опуская руку, крикнул Брэд.

Кларк, подъехав к ним, резко затормозил, чем немного напугал Брэда, а Карлсон и вовсе отпрыгнул в сторону.

— Уф, извините, парни. — Кларк поставил одну ногу на землю. — Давно не катался. Ещё бы чуть-чуть, и я бы сбил вас, — смеясь, произнёс он.

Карлсон молчал — он все ещё не отошёл от испуга.

— Ну вы даёте, мистер Кларк! — по лицу Брэда было видно, что он рад его видеть. — Вы что, теперь спортсмен?

Кларк вытер вспотевший лоб и устало улыбнулся.

— Ну, до этого мне ещё далеко. Просто решил прокатиться. А вот вы куда идёте в выходной?

Брэд залился краской стеснения и посмотрел себе под ноги, будто собирался признаться в своих ухищрённых злодеяниях.

— Мы идём на собрание.

— Собрание? Какое собрание?

Тут вступил Карлсон:

— Собрание клуба «Разбитые сердца».

— Девчачий клуб, что ли? Название такое...

Брэд гордо посмотрел на Кларка — он был задет до глубины души.

— Это мужской клуб! Это клуб настоящих мужчин, которых отвергли женщины. Клуб для тех, с кем не считается общество!

Кларк подумал, что ещё секунда, и Брэд ударит его.

— Ладно, ладно, я понял. — Он поднял руки вверх, сдаваясь перед неумолимыми доводами подростка. — Клуб настоящих мужчин.

Карлсон поднял перед собой указательный палец, как лектор во время занятия.

— И которые полностью осознали подлинную сущность природы женщин.

Кларк еле сдерживал смех.

— И где проходят собрания?

— В доме основателя «Разбитых сердец» — Томаса, — Карлсон произнёс его имя так, будто объявлял выход боксёра на ринг.

— Томас?

— Да. — ответил Брэд. — В семнадцать лет его бросили уже четыре девушки. — Он показал Кларку четыре растопыренных коротких пальца. — После последней он наконец осознал, что такое женщины и решил основать клуб, чтобы мы, — Брэд обвёл рукой всю улицу, — тоже узнали правду.

— Ничего себе.

— А вы куда? — спросил Карлсон.

— Да вообще никуда. Сейчас только заезжал в кинотеатр мистера Роберта.

— Да? И что там? Что? Все разрушено? Погром? Полиция уже там? Крови много? — Брэд внимательно смотрел на ошарашенное лицо Кларка. — Говорите всё, не стесняйтесь, мы выдержим.

— Вертолёты, наверно, дежурят там, — предположил Карлсон и посмотрел на небо.

— Ничего там такого нет. Просто несколько осколков и всё. Я бы не советовал сейчас туда соваться — у мистера Роберта плохое настроение.

— Что, даже крови нет? — разочарованно спросил Брэд.

Кларк задумался — говорить ли им правду? Ладно, будь что будет. Главное, чтобы они не побежали к Роберту.

— Есть, но очень мало.

Карлсон выкатил свое карие глаза.

— Преступника подстрелили? О боже! — Он посмотрел на Брэда так, словно подстрелили его. — Я не знал, что у мистера Роберта есть оружие.

— У всех владельцев кинотеатра под стойкой есть пулемёт. Это известный факт.

Кларк строго посмотрел на них.

— Вы, конечно, фантазёры. Никто никого не подстрелил. Преступник всего лишь порезался, когда разбивал витрину.

— Нужно передать образец крови в лабораторию, — задумчиво произнёс Брэд.

— Это очевидно, — подтвердил его друг.

— Ладно, хватит. — Кларк посмотрел мимо них, туда, где виднелась городская площадь. — Я поеду, а вы даже не думайте ходить туда.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил Карлсон.

Брэд же решил хранить молчание. Его лицо искрилось детской беззаботностью и деловой улыбкой одновременно. Однако, когда Кларк покосился на него, тот чуть ли не потерял сознание.

— Как скажите, мистер Кларк.

— Пока, парни.

— До свидания, — одновременно ответили подростки.

Брэд и Карлсон дождались, когда Кларк отъедет на приличное расстояние, после чего двинулись дальше. Им, разумеется, до дрожи в коленях хотелось подойти к кинотеатру и оценить масштаб трагедии. Но если мистер Кларк узнает...

— Ты правда думаешь, что у мистера Роберта пулемёт? — спросил Карлсон.

— Конечно! Ты поверил мистеру Кларку, что преступник порезался? Мистер Роберт — скрытый гангстер. Он подстрелил преступника, но тот сумел скрыться.

Карлсон пугливо посмотрел на поворот на перекрёстке, за которым начиналась улица, где находился кинотеатр.

— Я не хочу туда идти...

— А кто хочет? У тебя лишняя рука есть или нога? — Брэд посмотрел назад: вдали виднелась фигура человека на велосипеде.

Карлсон не ответил другу. Его лицо приобрело бледноватый оттенок, а глаза в ужасе бегали по улице. Он представил картину, как мистер Роберт с сигарой во рту выпрыгивает из-за угла дома и выставляет перед собой два пулемёта.

— Давай уйдём отсюда?... — спросил Карлсон.

Глава 9.

Этот клуб «Разбитые сердца» — полная чушь, думал Кларк, подъезжая к площади. А Брэд и Карлсон подвержены дурному влиянию. «Которые полностью осознали сущность природы женщин». Кружок неудачников какой-то, честное слово. Надо бы поговорить с родителями Брэда и Карлсона, мало ли. Парни-то сами по себе хорошие. Может, будь мне сейчас пятнадцать лет, я бы тоже вступил в подобный клуб, но теперь я слишком стар и ленив для этого.

Все эти клубы очень интересны, продолжал размышлять Кларк, и занимательны. В них всегда пропагандируют какую-нибудь «уникальную» доктрину. Чувствуешь себя частью чего-то особенного и при этом не боишься демонстративно стать поборником этого «особенного», потому что ты не один. Когда ты вместе с толпой — чем она больше, тем лучше, — то можно быть сторонником чего-то угодно: низок шанс, что ты понесёшь ответственность. Но со временем они как бы утрачивают то уникальное, что захватывало твою неискущённую душу. Ты начинаешь хотеть жить и думать как обычный человек. С возрастом хочется меньше суеты. По итогу в таких клубах остаются либо те, кто не вырос, либо психи.

Колесо велосипеда въехало в маленькую выбоину на тротуаре, отчего велосипед начало водить из стороны в сторону, с каждой секундой всё сильнее угрожая прохожим страшным падением. Кларк криком разгонял людей рядом и руками пытался выровнять руль, но все без толку — он чувствовал, как рама велосипеда всё больше кренится набок. Кларк представил, как расшибает до крови колени и локти, ударяется головой об асфальт и теряет сознание. Когда левая педаль начала цеплять тротуар, Кларк закрыл глаза.

— Мужчина! — крикнул мужской голос.

Велосипед резко остановился. По инерции Кларка дёрнуло вперёд, и он животом впечатался в руль, сбив себе дыхание. От такого сильного удара, он раскрыл глаза и с ужасом попытался различить лицо человека, стоящего напротив велосипеда.

— Вы чуть не разбились, — сказал мужчина. — Ой, Кларк? Не ожидал встретить тебя на... таком аппарате.

Около велосипеда стоял помощник шерифа — Адам. Он был одноклассником Кларка, поэтому хорошо знал его.

— Адам? Привет, — Кларк, уперевшись руками об руль болезненно подался назад. — Ты мой спаситель.

Адам был высокого роста — около шести футов и пяти дюймов, широкоплечий, с редкими бесцветными волосами по бокам головы, а вот в центре всё блестело, как только что отполированный каток. Ег огромная ладонь могла бы с легкостью вместить сразу четыре ладони Кларка. Но, не смотря на такой грозный вид, Адам был добряком, даже слишком добрым. Кларк часто задавал себе вопросом, почему его одноклассник пошёл служить в полицию?

— Куда направляешься? — из нагрудного кармана Адама торчали блокнот и ручка. Он машинально ощупал их и застегнул карман. Видимо, привычка полицейских: как только задаёшь вопрос — достаешь блокнот.

— На площадь, — Кларк посмотрел на руль велосипеда. — Решил покататься.

— Как бы твои поездки кому-нибудь не навредили.

— Не увидел яму, — Кларк посмотрел назад, затем снова посмотрел на Адама и виновато пожал плечами. — А ты охраняешь граждан от велосипедов?

Адам рассмеялся и слегка ударил Кларка по плечу, отчего у того оно чуть не вылетело наружу.

— Иду к Роберту. Шериф приказал допросить его жену.

— Её не допрашивали? Я недавно был у них.

— Да? И как они?

— Не радужно.

Адам грустно почесал затылок и стал погружаться в свои мысли. Его пустые серо-голубые глаза уставились на тротуар. Спустя нескольких секунд меланхолических размышлений полицейский посмотрел в сторону перекрёстка, потом на Кларка.

— Не завидую им. — Наконец произнёс Адам.

— Не повезло Роберту. Полиция считает, что это совершили подростки?

— Официальная версия, да. Но я не могу с уверенностью сказать тебе так ли это на само деле.

— Есть сомнения?

Адам серьёзно посмотрел на него:

— Наш мир неоднозначен. Бывает так, что преступления совершают те, на кого меньше всего падает подозрение, а бывает и так, скажу тебе честно, друг: когда я задерживаю преступника и он рассказывает мне свои мотивы, мне хочется его отпустить. Потому что понимаю его. По-человечески.

— Ты слишком добрый, Адам.

— Закон писали люди, но в нём мало что есть от самих людей.

— Закон не опирается на мораль.

— Именно, — Адам звучно щёлкнул языком, подавая сигнал, что дискуссия подошла к концу.

Лицо полицейского омрачалось всё больше — лоб наморщился, веки медленно сдвигались друг к другу. Кларку стало неловко от того, что Адам снова замолк — он и так задержал его.

— Ладно, старина, мне пора. Да и тебе тоже.

— Да, да. До свидания, Кларк.

Кларк мягко оттолкнулся ногой от земли и покатился вперёд.

— Ещё раз спасибо.

Адам, приложив правую руку к виску, отсалютовал ему.

Глава 10.

Цоканье часов в маленьком, можно даже сказать тесном кабинете настоятеля церкви Петри порой раздражало его. Сквозь крохотное окошко проникали косые лучи солнца, что освещали стол, на котором лежала рукопись настоятеля. На досуге Петри писал книги, которые никому не показывал. В кабинете чувствовался запах ванили и шепотки ладана, к которому настоятель давно привык, но по сей день любил. Через узкую щель под дверью пробивался свет из вечно пустовавшей основной части церкви. Крохотный столик тёмно-коричневого цвета, за которым Петри, Бог знает как, умещался, был поставлен напротив двери. Слева находилась вешалка, где настоятель оставлял либо «гражданскую одежду», либо свою чёрную рясу. По правую руку Петри расположился скромных размеров шкаф, в котором хранилось несколько книг — преимущественно по онтологии, религиоведению, аксиологии и прочим академическим дисциплинам. Впрочем, не сложно было догадаться, что настоятелю нравилась философия: он даже окончил университет в Сиэтле по ней. Петри пытался жить там, в крупном городе, после учёбы, но не вышло. Как говорил сам настоятель, его тянуло обратно в Ривертук. Хотя не все верили ему — особенно молодежь.

Как итог, практически всю жизнь Петри прожил в родном городке и оставался единственным, кто, получив высшее образование в крупном городе, вернулся обратно. Местные по сей день удивлялись его неожиданному возвращению. Кто-то поддерживал его, не уставая повторять известную фразу: «Где родился, там и пригодился». Вот только сам Петри не чувствовал, что пригодился в Ривертук в той мере, на какую он рассчитывал. С каждым годом прихожан становилось всё меньше, если не сказать, что их вообще не было.

В его возрасте, а было ему под семьдесят, в одиночку ухаживать за церковью становилось всё сложнее. Поэтому Петри стал подумывать над тем, чтобы оставить должность настоятеля. Вариант поиска помощника даже не рассматривался из-за отсутствия заинтересованности к церкви среди жителей. Конечно, Петри так же рассматривал переезд, но он был слишком стар, чтобы, как в молодости, быстро влиться в темп жизни мегаполиса.

Однако ничтожное количество посетителей в его церкви волновало его не так сильно, как общее снижение посещаемости церковей по всей стране. Петри всерьёз опасался исторического упадка людей, верующих в Бога. Именно поэтому ему пришла мысль хоть как-то сгладить ситуацию: настоятель начал писать что-то вроде манифеста с призывом молодежи прислушаться к своему сердцу и попытаться отыскать Бога. Нет, это не было каким-то радикальным религиозным сообщением, которые пускают в желеобразные мозги людей. Просто попытка напомнить людям, что счастье может оказаться гораздо ближе, чем мы думаем.

Настоятель также не пренебрегал вести личный дневник, в котором он ежедневно, не стесняясь прямолинейности, излагал свои мысли по поводу настоящего и будущего, хотя к последнему он пытался прикасаться как можно реже из-за опасений уйти в непробиваемый пессимизм. На желтых страницах дневника находилось место и чувствам Петри — тем, которые он сам не понимал до конца, но это нормально, как считал настоятель, ненормально не пытаться разобраться в них. В конце каждой записи Петри описывал, как прошёл его день. В один из таких вечеров, настоятель заметил, что эти описания подозрительно однообразны, что заставило его задуматься, но не испугало, чтобы он решил что-то изменить.

Порой Петри настигала мысль, что те люди, которых вскоре станет большинство, правы. Правы в том, что религия — это сказки прошлого. Правы в том, что пора перевернуть страницу этой истории и идти дальше. Но как внезапно приходили такие мысли, так и уходили: сердцем настоятель всегда был с Богом и будет с ним, даже если останется единственным таковым.

Он чувствовал некое опасение — точнее груз — из-за своих взглядов. Петри понимал, что в его городе он меньшинство среди атеистов и агностиков. Когда ему становилось совсем

скучно, Петри представлял, как атеисты вместе с агностиками сжигают его на площади за то, что он католик.

Вот только такому не бывать, каждый раз убеждал себя Петри.

Сейчас он остановился на главе про паломничество и задумался о том, чтобы самому отправиться куда-нибудь с Божьей миссией. Настоятель отложил ручку и посмотрел в окно: виднелся маленький лесок, а за ним зловонное «Болото».

Он провёл в думах минут десять, когда услышал звук открывающейся двери, а после глухой стук, окатившийся по всей церкви. От неожиданности, Петри резко привстал со стула.

Посетители? — подумал он.

Петри медленно встал из-за стола и направился к двери. По пути к ней он прислушивался к звукам, но ничего не услышал. Когда настоятель открыл дверь, в него ударил ослепляющий свет из зала церкви.

Гость стоял около алтаря и неуверенно посмотрел на только что вышедшего из кабинета Петри.

— Здравствуйте, отец.

Петри всмотрелся вперёд и когда увидел, кто стоит перед ним, на мгновение раскрыл глаза.

— Мне нужна помощь, отец.

Настоятель тихо закрыл за собой дверь, не сводя взгляда с первого за долгое время гостя.

— Конечно, сын мой.

Глава 11.

Кларк опустил руки в маленький фонтан, стоявший посреди площади, и зачерпнул горсть прохладной воды. Секунду посмотрев на слегка мутную жидкость, он вылил её себе на лицо, а остатки на горячую, вспотевшую шею. Ему захотелось набрать ещё воды и выпить её, но вовремя одумался. Неизвестно, что делают с этой водой, особенно по ночам, не говоря уже о её мутном оттенке.

Время близилось к десяти тридцати утра. Стало заметно знойнее, что не могло не сказываться на самочувствии Кларка — он всегда плохо переносил жару. Жажда усиливалась с каждой пройденной минутой, от сухости горло неприятно сводило. Кларк боялся, что через пару минут вообще не сможет говорить, поэтому ему необходимо было сходить в магазин и купить воду. Только денег у него нет.

Кларк посмотрел на воду в фонтане, борясь с искушением утолить жажду прямо сейчас. Присмотревшись, он заметил светло-серую пену, которая, плавно кружась по своей оси, неторопливо плыла в его сторону. Кларк с отвращением отвёл взгляд на улицу и пожалел, что вообще ополоснул этой водой лицо.

Через дорогу находился маленький магазинчик, где всегда сидел один и тот же продавец — давний знакомый Кларка, Джеймс. Возможно, он даст ему воду в долг. Всё-таки он знает его. Либо же придётся просить у кого-то деньги...

Или вернуться домой? — подумал Кларк.

Нет, только не домой. Я не хочу смотреть на эти давящие, а тем более безвкусные стены, дышать этим спёртым воздухом расставания, в котором ещё витает запах духов Анджелы. Нет, я сойду с ума. Не хочу даже приближаться к нему. Я... боюсь его. Да, теперь это здание было болезненным напоминанием о страшной лжи и главном позоре в моей жизни. Лжи Анджелы и моём позоре, как неудавшегося мужа. Возможно, вечером я смогу вернуться туда. А если нет? Ночевать на улице?

Кларк взглянул на свой велосипед, стоявший возле фонтана. Он представил, как после длительной поездки поздно вечером укладывается спать на лавочке и одной рукой придерживает раму, чтобы его велосипед не смогли украсть. Нет, лучше поспать дома.

Он упёрся руками об фонтан и расстроено посмотрел на воду. В её мельтешении Кларк увидел своё отражение — такое отвратительное и отталкивающее. Ему не было жалко себя. Всё то, что он имеет сейчас — только его заслуга. Этот старый велосипед, это до сих пор заплывшее от похмелья лицо, эта мутная вода в фонтане вместо питьевой, эта жизнь — всё это. Он сам выложил себе такую кривую дорогу жизни, которая привела его к скрипучему велосипеду и мутной воде.

Как же сложно и больно признаваться себе в этом. В помутившемся рассудке бредёшь по заброшенной тропе, умножаешь боль, терпишь и идёшь дальше. Получаешь новую боль — и снова терпишь, убеждая себя, что это часть пути и дальше будет лучше. Но потом, когда ты спотыкаешься в сотый раз, задаёшься вопросом: там ли я иду? И зачем я иду туда? Нет, даже не так — зачем я иду? А потом оглядываешься назад и с ужасом понимаешь, какой путь преодолён. И тут тебе становится страшно идти обратно и снова переживать ту боль. Ты остановился посреди пути и понимаешь, что в любом случае получишь боль.

Пора найти себе воду.

Кларк взял велосипед и покатил его вперёд. Нагретые солнцем потрескавшиеся плиты были способны расплавить подошвы ботинок и шины велосипеда. Представив себе такую картину, он ускорил шаг.

Кларк вышел с площади и оказался на тротуаре, который вёл к улице, где он недавно чудом не упал с велосипеда. Людей стало ещё больше: слышались счастливые крики детей, разговоры взрослых и недовольные гудки автомобилей на дорогах.

При виде такого количества весёлых местных жителей Кларк упал в настроении. Он кротко взглянул на своих спутников в сегодняшней прогулке — бездушный велосипед и чувство жажды. Он простоял на месте около пяти минут, надеясь, что, возможно, кто-то подойдёт к скучающему велосипедисту и предложит присоединиться к их компании. Но для прохожих Кларка будто бы не существовал — они равнодушно огибали его сгорбленную фигуру и, продолжая смеяться, шли дальше. Брошенный всеми герой грустно усмехнулся и направился к магазину.

Потёртая со всех сторон дверь продуктового магазина, на которой висела старая неоновая вывеска «Ореп», находилась в жилом трёхэтажном доме около площади. Кларк приблизился ко входу в магазин и заметил, что неоновая буква «О» не работает. На этом изъязны не закончились: кто-то, судя по всему, школьники, острым предметом выцарапали рядом со светящимся словом «Реп» буквы «I» и «S».

Кларк подошёл к двери и провёл пальцами по новым буквам на двери.

— Придурки, — произнёс он.

За дверью раздавались голоса двух мужчин. Кларк прислушался и узнал обладателей звучных тембров со слегка южным акцентом. На мгновение он замешкался, только сейчас подумав о том, как они отреагируют на его внезапное появление с велосипедом. Да, чувство стеснения съедало Кларка, но жажда оказалась сильнее. Он крепко сжал ручку, толкнул дверь от себя и быстро закатил внутрь свой старенький велосипед.

Голоса мужчин, как только открылась дверь, стихли. Первые несколько секунд Кларк не обращал внимания на присутствующих — он наслаждался бесподобной прохладой помещения, которую создавал кондиционер, что висел прямо над входом.

Господи, подумал он, я не уйду отсюда.

— Кларк?

Кларк посмотрел на стоящего перед ним мужчину, который недавно разговаривал с продавцом. Это был его коллега — Себастьян.

— Привет, — сказал Кларк. — Привет, Джеймс, — он посмотрел на крепкого мужчину, стоящего за стойкой.

— Ты весь мокрый, — Себастьян оглядел велосипед. — И катаешься на велосипеде. Ты пьян?

Себастьян был ростом чуть выше среднего, с рыжеватыми волосами и зелёными глазами. Его комплекция тела и бледный цвет кожи давали понять, что он редко меняет свой маршрут: дом-офис, офис-дом. Кларк имел тёплые отношения с Себастьяном. Пару лет назад, когда Себастьян только устроился в их контору, Кларк помогал ему адаптироваться на новом месте. Насколько было известно, у рыжего адвоката было трое детей и жена. Он перебрался сюда из соседнего городка, немного поменьше Ривертука.

Конечно, Кларк выпивал с ним. Выпивал с ним часто, в своём гараже в том числе. Случалось и так, что Себастьян, забившись в угол кухни или гаража, с возрастающим страхом в глазах наблюдал, как Анджела отчитывает Кларка за пьянство. По опыту он знал, что такие истерики длятся недолго и скоро они смогут вернуться к своему делу. Но на всякий случай друг Кларка держался от его жены подальше. Его пугал злобный блеск в глазах Анджелы и вздутые до предела вены на её шее — можно было подумать, что ещё один крик, и они лопнут, забрызгав масляные стены гаража.

— Ты очень внимателен, — Кларк пожал руку Себастьяну, потом подошёл к Джеймсу и поздоровался с ним. — И нет, я не пьян.

Джеймс изучающе посмотрел на Кларка. У продавца был такой взгляд, будто Кларк задолжал ему крупную сумму.

— Выглядишь не очень, — произнёс Джеймс.

— По-моему, лучше, чем когда-либо.

Кларк аккуратно облокотил велосипед об стену. Его напрягало, как Себастьян и Джеймс смотрят на него. Он чуть ли не прогибался под их взглядами.

— Джеймс, — Кларк приблизился к стойке, — тут такое дело, я забыл бумажник, а пить хочется хоть убей. Не выручишь? Деньги занесу потом.

Джеймс в упор посмотрел на него своими тёмными глазами. Продавец был невысокого роста, но крепкого, жилистого телосложения. Своими мощными руками Джеймс мог ломать кирпичи. Так что всякий, находящийся в Ривертуке, сто раз подумал бы, прежде чем ограбить его магазин. Но школьников, которые проявили убогость своей фантазии и нацарапали на двери буквы «I» и «S», не испугала ни могучая сила Джеймса, ни его серьёзное выражение лица, которое дополняла густая чёрная борода.

— Конечно, Кларк, — сказал Джеймс, отходя от стойки.

— Я заплачу, — Себастьян достал бумажник из шорт, вынул купюру и положил её на стойку.

Кларк благодарно посмотрел на своего коллегу, который медленно потягивал газировку.

— Спасибо, старина.

— Ерунда. — Себастьян сделал большой глоток и тихо рыгнул. — Лишать человека в такую жару воды — преступление.

Джеймс протянул бутылку воды, и горячие руки Кларка сразу же схватили её. Он судорожно открутил крышку и тремя глотками выпил почти половину.

Мужчины с интересом смотрели на Кларка, как на дикаря, вышедшего из пещеры.

— Наконец-то, — сладко произнёс Кларк, вытерев ладонью смоченные губы. — О чём вы так оживлённо болтали? Я слышал аж с улицы.

— О Роберте, — ответил Себастьян. — Кто-то разбил его витрину, знаешь?

— Знаю, знаю, — Кларк сделал ещё глоток воды. — Был у него сегодня.

Себастьян вопросительно посмотрел на него, надеясь, что тот продолжит свою мысль.

— Он подавлен. Изначально Роберт хотел поменять вывеску, но теперь, исходя из последних событий, не получится — почти все деньги уйдут на ремонт витрины.

Джеймс опустил голову, глядя в пустоту. На его лице значилась печать хмурой задумчивости, которая избородила его лоб несколькими морщинами. Кларк в это время рассматривал ассортимент продуктов за спиной Джеймса, не смея нарушить затянувшуюся тишину.

— Бедный Роберт. — рассеянно крутя головой, сказал Себастьян. — Это сделали школьники, я читал заявление полиции. — он покосился на молчаливого Джеймса. — Хотя у него другая версия.

Кларк с интересом посмотрел на продавца, но тот будто бы не замечал его. Спустя пару секунд Джеймс поднял свои измученные жизнью глаза и посмотрел на Кларка.

— Я был на улице этой ночью, поблизости от кинотеатра, — он попросил газировку у Себастьяна, сделал небольшой глоток и продолжил. — Я услышал что-то похожее на треск за углом и направился туда, чтобы проверить. Когда забежал за угол, то увидел разбитую витрину и убегающего человека. По его телосложению сложно сказать, что это был подросток.

— Взрослый? — спросил Кларк. — Почему ты не сказал полиции?

Джеймс посмотрел в наивные глаза Кларка, отчего тот непроизвольно сделал шаг назад.

— Сказал. Только они не восприняли мои слова всерьёз.

Себастьян решил внести на рассмотрение своё мнение:

— В нашем городке взрослые таким не занимаются. Другое дело школьники. — Он посмотрел на Джеймса. — Это было ночью, в такое время суток сложно определить возраст убегающего человека.

Джеймс устало махнул рукой.

— Интересно, — сказал Кларк.

Как бы только не вляпаться в историю с витриной Роберта, думал Кларк. После слов Джеймса дело принимало довольно интересный оборот. Полиция твердит одно, его приятель другое. Хотя Себастьян отчасти прав — в Ривертуке взрослые таким не занимались и не занимаются. Не такой у них городок. Или, может, всё-таки занимаются? Тем не менее было бы неплохо встретить Адама и спросить его мнение касаясь слов Джеймса.

Себастьян забрал газировку и допил её, после чего выбросил бутылку в мусорку, которая находилась около входа. Его зелёные глаза бегали из угла в угол, а руки хаотично бились друг об друга.

Кларк, заметив странное поведение своего друга, подошёл к нему.

— Что с тобой?

Себастьян повернулся и посмотрел мимо Кларка, вверх его плеча.

— Всё в порядке. Волнуюсь за Роберта.

— Я тоже.

Кларк закрыл бутылку воды. Пора ехать дальше, как бы хорошо ни было в магазине. Ему предстояло преодолеть ещё не один километр.

— Ладно, парни, я поехал. — Кларк поочерёдно пожал руку своим друзьям.

— Аккуратно на дороге, — иронично сказал Себастьян.

Недовольно фыркнув в ответ, Кларк развернул велосипед, подкатил его к выходу и свободной рукой открыл дверь. Он быстро вышел на улицу, пока дверь не успела столкнуться с рамой велосипеда.

Оказавшись на тротуаре, Кларк сразу же попал под испепеляющие лучи солнца. Спустя секунду, он захотел зайти обратно в магазин и переждать там жару, но через силу повернул в сторону и пошёл вперед, обратно к площади. Вода в бутылке потихоньку теряла минусовую температуру, покрываясь конденсатом. Кларк старался не обращать на это внимания, продолжая катить велосипед и прикрывая рукой лицо.

Когда он уже собирался сесть на велосипед, то увидел немыслимую картину прямо посреди площади: двое мужчин положили на землю старика, и пока один из них бил жертву, другой рылся в его карманах.

— Эй! — Кларк быстро взобрался на велосипед и закрутил педали в сторону преступников. — Оставьте его!

У Кларка задрожали руки, а пульс участился, когда один из грабителей, заметив несущийся на них велосипед, достал нож.

Глава 12.

— Наглый вун!

Даниэль обиженно отвернулся в сторону от своих товарищей по клубу, ласково поглаживая свой перебинтованный локоть.

— В нашем клубе не принято врать, — сказал создатель «Разбитых сердец» Томас. — Участники клуба были в школе и сказали, что никакого разбитого автомата они не нашли.

Даниэль посмотрел на Томаса. От волнения у него выступил пот, а голос предательски дрожал.

— Значит, успели поменять стекло!

— Наглый вун! — повторил Томас. — Откуда у тебя порез на локте?

— Я же сказал! — Даниэль поднял раненный локоть вверх, дабы одноклубники смогли как следует разглядеть его увечье. — Я разбил автомат!

Брэд и Карлсон, недоумевающая, сидели в растерянном молчании. Пока они шли на собрание после встречи с мистером Кларком, друзья морально настроились рассказать свою историю на сегодняшнем собрании, но сейчас здесь происходили вещи куда интересней. Кажется, Даниэля взяли с потрохами. Культ личности, так изящно выстроенный вокруг его фигуры, был низвергнут в прах. Карлсон не мог поверить, что в клубе присутствуют такие бессовестные лжецы.

— Сейчас мы проведем голосование: исключить Даниэля из клуба или оставить! — встав с дивана, произнёс Томас.

В подвале дома наступила скребущая тишина. Все участники неловко переглядывались: за всё время существования клуба ещё никого не исключали.

— Да, Дейл, — громко сказал Томас, заметив озабоченное лицо одного из участников, — я, как человек, питающий платонические чувства к демократии и правам человека, проведу голосование!

Никто ничего не ответил. Кто-то с сожалением смотрел на покрасневшую от стыда фигуру Даниэля, обиженно восседающего в дальнем углу дивана, кто-то задумчиво опустил голову и недвусмысленно растирал костяшки пальцев, а кто-то в ужасе взирал на чересчур выпученную грудь Томаса, и некоторые участники резонно углядели в его вышеописанном расположении бюста нечто, подозрительно отсылающее к намеренной пошлости либо к фаталистическому микроинсульту.

— Кто за то, чтобы исключить Даниэля из клуба?

Никто не поднял руку. Томас озадаченно покрутил головой по полутёмному подвалу, силясь отыскать хоть одну поднятую руку. Весь его апломб и знакомый каждому борцу за экологию патетический вид, граничащий, ни много ни мало, с манией величия, испарились. Тем временем Даниэль, отметив, что никто не поднял руку, мельком улыбнулся и поудобней уселся на диване, явно ожидая продолжения голосования.

— Кто за то... чтобы Даниэль остался в клубе?

Поднялось целых восемь рук. Две так и остались в инертном состоянии.

— ХА! — Даниэль вскочил с места, живо подсчитывая поднятые руки. — Восемь. Двое воздержались. — Он самодовольно посмотрел на Томаса, чьё лицо покрылось красными пятнами поверженного оппонента. — Видишь?

Томас не ответил. Его тело поникло, а глаза безжизненно уставились в пол.

— Я — основатель клуба, — наконец произнёс он. — А значит, имею право вето!

Даниэль уставился на Томаса.

— Какое право? Ты сумасшедший!

— Право вето! — Томас оглядел немых членов клуба. — В демократии есть такое понятие! Понял, Даниэль?

Даниэль промолчал, продолжая сверлить разгневанное лицо Томаса.

— Я накладываю вето на голосование, — чуть поспокойней сказал Томас, — и голосую за удаление Даниэля из клуба, — он злорадно посмотрел на растерявшегося, уже бывшего члена клуба.

— Жулик! Поганый слизкий червь! Демократ недобитый!

— Заткнись! — Томас показал на лестницу, ведущую вверх. — Уходи. Ты больше не член «Разбитых сердец», идиот.

Даниэль развел руками и направился к лестнице.

— Ну и пожалуйста! Счастливо оставаться!

Внезапно голос подал Брэд — первый из участников клуба, кто осмелился это совершить.

— Томас... это же нечестно. Было голосование...

— Замолчи, паршивец. Иначе уйдёшь вместе с ним!

Брэд обиженно опустил голову. Карлсон посмотрел на своего расстроенного друга, и его захлестнула ярость, целиком и полностью обращённая на Томаса.

Медленно встав с дивана, он посмотрел на основателя клуба.

— Мы сами уйдём, — сказал Карлсон, оглядывая участников клуба. — и создадим новый клуб! Без тебя, пёс поганый.

Томас вытаращил на него глаза. Казалось, он сейчас набросится на Карлсона и разорвёт его на куски.

— Что ты сказал? Я превращу тебя в кусок фарша. Тебе конец, революционер хренов!

Томас резко сорвался с места и бросился на Карлсона, выставив перед собой руки. От испуга Карлсон упал обратно на диван и закрыл лицо руками. Через мгновение, когда Томас оказался в шаге от своей жертвы, Брэд подставил ему подножку. Тело Томаса накренило в сторону — он завизжал, как трёхлетняя девочка, у которой по ошибке отобрали песочную лопатку. Основатель клуба ребром упал на тумбочку, стоявшую около дивана, а после с незатейливым, но глухим и опасным стуком рухнул на пол.

— Заполучи, — рявкнул Брэд.

Томас, постанывая, перевернулся лицом к Брэду.

— Ты... и твой друг исключены...

Карлсон подушкой врезал Томасу по лицу, заставив того прервать его предложение, затем нанёс ещё порядка пяти ударов и положил подушку на место.

— Уходим! — закричал Брэд. — У нас будет новый клуб! Кто с нами?

Участники «Разбитых сердец» неуверенно смотрели на двух друзей, не решаясь встать с мест. Спустя нескольких секунд колебаний один из членов клуба — Дейл — поднялся с дивана.

— Я с вами, — сказал он, посмотрев на растянувшегося на полу Томаса.

После него встало ещё трое людей. Потом ещё двое. Уже через полминуты к ним присоединились все участники клуба.

— Вперёд! — Брэд, перешагнув через Томаса, направился к лестнице.

За ним последовали остальные. Практически все подростки равнодушно обходили свергнутое Томаса, но двое напоследок пнули его примерно под зад.

— Что вы делаете? — Томас приподнялся. — Стойте! Мы оставим Даниэля, хорошо! Стойте! — он вцепился за ногу одного из подростков. — Подожди, скажи им...

Нога, которую жалобно удерживал Томас, резко вылезла из его рук и влетела ему в лоб. Основатель «Разбитых сердец», схватившись руками за ушибленное место, повернулся на бок и начал лить слёзы отчаяния и безнадёги.

— Стойте! Нет. Нет. Возьмите меня! Пожалуйста! Я буду чистить вам обувь! Только возьмите меня!

Брэд и Карлсон вышли из дома, а за ними довольная собой толпа подростков. Компания остановилась возле дома Томаса. Наступило неловкое молчание.

— Как назовём наш клуб? — слышался неуверенный голос в толпе.

Брэд резко обернулся и осмотрел компанию подростков, которые с надеждой в глазах взирали то на него, то на его друга.

— Мы...

Карлсон вышел вперёд, поднимая над собой кулак.

— Наш клуб называется «Хранители женских сердец»!

Неожиданно для Карлсона и Брэда скопище детей начало ликовать, кто-то даже зааплодировал. Один из участников дружески хлопнул Карлсона по плечу.

— Идём на поиск новой штаб-квартиры! — прокричал Брэд.

Даниэль, не привлекая лишнего внимания, пристроился в конце толпы и вместе со всеми начал праздновать основание нового клуба — «Хранителей женских сердец».

Орда школьников, орущая на весь квартал, выдвинулась на свою первую миссию.

Глава 13.

Поблескивающее на солнце лезвие ножа пронеслось всего в нескольких сантиметрах от руля велосипеда. Кларк резко повернул в сторону, каким-то чудом сумев остаться в седле. В то время как один из грабителей занимался пенсионером на земле, второй беспорядочно махал перед собой ножом. Вооружённый грабитель даже несколько раз чуть не полоснул собственную руку, отчего Кларк подумал, что тот пьян.

— Проваливайте!

Грабители были в балаклавах, что немного удивляло: ходить в них при такой жаре — сплошная мука. Однако Кларк смог определить примерный возраст нападавших — от двадцати трёх до двадцати пяти лет. Оба имели нездоровое худощавое телосложение, что могло говорить о пристрастии к веществам. Тот, что был с ножом, начал выдыхаться, это было видно по его всё более размашистым ударам по воздуху. Кларк и не думал подъезжать к ним вплотную: он ездил вокруг двух грабителей и пенсионера, ожидая момента, когда преступник с ножом окончательно выбьется из сил. Напарник, который держал старика, перестал рыться в его карманах — он упёрся руками в грудь пожилого мужчины и следил за вращающимся вокруг них велосипедом.

Вскоре грабитель с ножом понял, что его беспорядочные удары ни к чему не приведут, и предпринял попытку пойти напролом на Кларка, чего тот не ожидал. Резко оторвавшись от земли, грабитель бросился прямо на велосипед. От неожиданности Кларк резко крутанул руль в сторону, уворачиваясь от удара: ещё бы немного и нож вошёл бы ему прямо в ногу. Когда грабитель промахнулся, в который раз полоснув воздух, он запнулся и головой вперед полетел вниз, прямо на старые плиты городской площади. Но в последний момент успел подставить руки и упал на ладони. Через секунду он, как боец джиу-джитсу, оттолкнулся руками от горячих плит и снова встал на ноги.

Удачное падение грабителя сыграло на руку Кларку — это дало ему несколько секунд передышки, но сил всё равно оставалось мало. К тому же ситуацию ухудшили жара и резкий выброс адреналина, из-за которых у него не переставая тряслись руки.

Грабитель исподлобья посмотрел на Кларка и со всех ног понёсся на него.

Не до конца осознавая своих действий, Кларк резко привстал в седле и, громко выдохнув от напряжения, он отбросил от груди велосипед. Переднее колесо, поднявшись до уровня головы, прилетело грабителю прямо в лицо. Тот, явно не ожидав такого виртуозного трюка, выронил нож и, пятясь спиной вперед, поплёлся прочь.

Кларк перепрыгнул через велосипед и тараном побежал на преступника. Когда он был всего в нескольких шагах, Кларк пригнул голову и напряг шею. Через мгновение его макушка больно врезалась в солнечное сплетение грабителя. Услышав слабый стон боли, Кларк выпрямился и нанёс три сильных удара в лицо противника. У преступника из носа брызнула кровь, а глаза помутнели. Он начал шататься, и тогда Кларк повалил его на землю и нанёс завершающий удар, после которого тот беспомощно упал затылком на плиту.

Поняв, что один из грабителей больше не представляет угрозы, Кларк встал и побежал на второго, который удерживал за грудь старика. Когда преступник увидел то ожесточённое выражение на лице Кларка, с которым тот бежал на него, он, отпустив пенсионера, бросился наутёк.

Кларк остановился у старика, на отёкшей физиономии которого были свежая гематома и несколько ссадин.

— Вы в порядке? — сбивчиво спросил он.

С восхищением глядя на своего спасителя, старик быстро закивал, порой переводя взгляд на валяющегося неподалёку преступника.

Кларк поднял голову и посмотрел вперёд — грабитель подбегал к улице, на которой Кларк недавно чуть не свалился с велосипеда. Пошлёпав себя по щеке, он побежал к велосипеду. Голова кружилась, поэтому Кларк с некоторым трудом плюхнулся на седло и, собрав оставшиеся силы, закрутил педали, стараясь как можно быстрее набрать скорость.

Когда он проезжал мимо старика, запыхавшимся голосом бросил ему:

— Я его догоню. Вызовете полицию и скорую.

Велосипед выехал на улицу, по которой бежал грабитель. Кларк увидел, как тот, расталкивая прохожих, всё дальше удаляется от него.

Кларк, не упуская из виду убегающего, прибавил скорость.

Глава 14.

Адам закрыл свой блокнот и сунул его в нагрудный карман. Допрос жены Роберта получился довольно быстрым. Её показания полностью совпадали с показаниями мужа — в ту ночь они оба находились у себя дома и понятия не имели, кто мог разбить витрину. Тем не менее, что-то настораживало Адама в поведении Шарлотты. Она была слишком отстранённой, словно разбили чужую витрину в чужом кинотеатре. Жена Роберта говорила медленно и спокойно, тщательно подбирая и взвешивая каждое слово. В общем, Шарлотта не шла на контакт, отчего помощнику шерифа показалось, что ей безразлично, найдут ли злоумышленника или нет. Каждый раз, стоило Адаму взглянуть на Шарлотту, как она тут же отводила взгляд в сторону, словно заметив что-то интересное на дороге.

— Это всё? — Адам снова посмотрел на неё.

— Да, — ответила Шарлотта, глядя поверх его плеча.

— Ну ладно, — он щёлкнул ручкой и убрал её в тот же карман, что и блокнот.

Адам осмотрел то место, где раньше находилась витрина.

— Стекло было толстым?

— Достаточно крепкое, как нам казалось, — ответил Роберт, выходя из кинотеатра. — Я не знал, что вы пришли. Есть какие-то новости?

— Нет, — виновато ответил Адам, — я допрашивал вашу жену. Приказ свыше.

Роберт махнул рукой и подошёл к полицейскому.

— Я покажу вам одну любопытную деталь, — тихо произнёс он и направил глаза в сторону.

Адам с интересом посмотрел туда же и машинально потянулся за блокнотом.

— Какую же?

Роберт повел полицейского дальше по тротуару. Остановившись в нескольких метрах от входа в кинотеатр, Адам увидел запёкшуюся кровь. Полицейский присел на корточки, внимательно изучая тёмно-бордовые капли. Спустя минуту размышлений и наблюдений Адам достал блокнот, ручку и что-то быстро записал.

— Думаете, это кровь преступника? — поднимаясь во весь рост, спросил он.

— А чья ещё?

Адам снова сделал короткую запись в блокноте и убрал его.

— Необходимо узнать, кто обращался сегодня в больницу с порезом и похожими травмами, — разговаривая самим с собой, сказал полицейский.

— Если он такой идиот, то да, нужно, — усмехнулся Роберт.

Адам косо взглянул на него:

— Нужно проверить всё.

Тот невинно поднял руки:

— Вам виднее.

Шарлота до предела выпрямила спину и сжала кулаки. Она с тревогой следила за разговором Роберта и Адама, хотя и не слышала их. Когда она подошла обратно к кинотеатру, Шарлотта перекинула весь вес тела на одну ногу и расслабила тело, пытаясь придать себе неприуждённый вид.

— Спасибо вам. — сказал Адам. — Появилась новая деталь, которая может помочь расследованию.

— Какая деталь? — нервно убрав за ухо прядь волос, спросила Шарлотта; Адам заметил этот жест.

— Около кинотеатра кровь. Может это кровь того паршивца.

— Всего доброго, — Адам пожал руку Роберту. — Если появятся новые подробности, то сразу сообщу вам.

— До свидания.

Адам направился обратно в участок. Нужно было сообщить начальнику про кровь и, возможно, про странное поведение Шарлотты. Нет, подумал он, про второе лучше не говорить — не хватало, чтобы жену Роберта записали в подозреваемые. Женщина просто волнуется, не более. К тому же Роберт обеспечил ей алиби.

Помощник шерифа всё больше сомневался, что преступника удастся найти. Он разделял мнение Роберта: у злоумышленника хватит ума не обращаться в больницу. Но всё же проверить стоит.

Поглощённый размышлениями, Адам подошёл к перекрёстку и услышал крики из-за угла. Он не мог разобрать, что именно выкрикивают, но понял, что это не похоже на праздные возгласы прохожих. Помощник шерифа побежал к углу дома, на ходу доставая пистолет.

Выскочив на соседнюю улицу, Адам увидел бегущего со всех ног мужчину, в руках которого была чёрная балаклава.

Глава 15.

Кларк почти догнал грабителя, а пота было настолько много, что он затекал в уши и глаза, отчего ему приходилось трясти головой то влево, то вправо. Икры начинало сводить от нагрузки, но велосипед не снижал скорость. Пару раз Кларк был в шаге — точнее, в шине — от того, чтобы сбить прохожего, но каждый раз он умудрялся ловко огибать шокированные фигуры людей. Кто-то даже бросал ему в след ругательства, но мокрый велосипедист не обращал на это внимания — он криками звал на помощь всю улицу, призывая прохожих остановить грабителя, однако вместо содействия люди лишь испуганно отпрыгивали в сторону, уступая дорогу.

Отличная поддержка, устало подумал Кларк.

Он увидел, как убегающий от него мужчина снял балаклаву и стряхнул со лба обильно скопившийся пот. Значит, уже веселее подумал Кларк, грабитель стал терять силы, раз пошёл на такие крайние меры.

Когда велосипед был всего нескольких шагах от воришки, Кларк вытянул руку, намереваясь схватить грабителя за шкирку. Но всё провалилось.

Мужчина, неожиданно вильнув в сторону, оставил Кларка в дураках. Велосипед резко затормозил, шины неприятно заскрипели. Не успев повернуться в сторону, чтобы отыскать исчезнувшего злоумышленника, как Кларку прилетели два мощных удара по щеке, сбившие его с велосипеда.

Оказавшись на тротуаре, Кларк поднял голову и сразу же получил молниеносный удар чуть ниже глаза. Вокруг всё потемнело, правую сторону лица свело тупой болью. Преступник, нагнувшись над ним, начал хаотично наносить удары то по корпусу, то по лицу. Кларк безнадёжно пытался заблокировать их, но почти каждый приходился по цели. Он не терял сознания, но чувствовал жгучую боль на лбу и под левым глазом.

— Тихо, дружок, — громко произнёс Адам и огрел грабителя прикладом пистолета.

Мужчину повело в сторону, а после лёгкого толчка в плечо, он повалился на землю, приземлившись рядом с Кларком. Адам оперативно перевернул его лицом вниз и надел наручники.

Кларк, подобно младенцу, хлопал глазами, пытаясь понять, что происходит.

— Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может быть и будет использовано против вас в суде. Вы имеете право на присутствие адвоката во время допроса. — отчеканил Адам, поднимая грабителя на ноги. — Какой хлюпенький.

Кларк не без труда поднялся на свои две. Он сквозь туман смотрел на лицо только что задержанного мужчины.

— Он хотел ограбить старика. — Кларк ощупал свежий синяк под глазом.

Адам крепко сжал руку грабителя, повернул его к себе лицом и всмотрелся в него.

— Это Чарльз Дэн. Мы его знаем. Два условных срока и один реальный. Чёрт, я думал он уехал из Ривертука.

— Лучше бы уехал, — пробубнил Кларк, поднимая свой велосипед.

Адам подвёл Чарльза Дэна к стене дома и прижал к ней. Держа его обеими руками, полицейский обернулся и с тревогой оглядел слегка пошатывающегося Кларка.

— Где тебя угораздило нарваться на них?

— Выхожу из магазина, а там на площади он и его дружок грабят старика. Ну, я решил вмешаться.

— Что? Есть второй?

— Да.

Кларк покрутил руль, убеждаясь, что с ним всё в порядке, затем присел на корточки и проверил цепь. Легонько проведя по ней пальцем, он поднялся и посмотрел на поникшую фигуру мужчины, прижатого к стене дома.

— Надо вызвать подкрепление и скорую. Второй скорее всего смылся, — сказал Адам, повернув голову к площади.

— Думаю, да. Но когда я начал погоню за этим, его напарник, по крайней мере тогда, валялся на земле. Я сказал старику вызвать полицию, но не знаю, сделал ли он это.

Адам достал рацию и вызвал патруль и скорую на городскую площадь.

Кларк почувствовал назойливое жжение под глазом и тупую боль во лбу. Прикоснувшись подушечками пальцев к лицу, он тут же убрал руку — жжение усилилось. Он посмотрел на пальцы и увидел, что их верхние фаланги окрасились в бордовый оттенок. Кларк злобно взглянул на грабителя и вспомнил, как тот беспощадно избивал его, пока он лежал на тротуаре.

— Я могу поехать на площадь. Может, он ещё там. Или окажу помощь старику.

— Нет. Это опасно. Полиция и скорая будет там с минуты на минуту. Лучше расскажи, как всё было.

Кларк выдохнул и начал с самого начала.

Глава 16.

В душной исповедальне, пропахшей ладаном и потом, настоятель Петри дослушивал исповедь человека, который находился за узорчатой деревянной перегородкой. Уже лет пять Петри не выслушивал исповедей. В последний раз такое случилось, когда некий Мерфи решил признаться в том, что он отмывает деньги через своё ателье магазина. Через несколько дней Мерфи задержали. Хоть отмыватель и по сей день думает, что именно Петри передал полиции компрометирующую информацию, это не так. Причиной того, что настоятель ничего не сказал полиции, заключалась в том, что он просто не знал, что делать.

— Не знаю, что на меня нашло, отец, в ту ночь. Мне страшно идти в полицию или ждать, когда они сами придут за мной. Это разъедает меня изнутри, — человек посмотрел сквозь перегородку и увидел опущенную голову настоятеля.

Петри ответил не сразу: он скрутил пальцы и о чём-то размышлял.

— Понимаю, сын мой.

Наступила тишина. Оба собеседника не знали, как продолжить диалог. Но спустя некоторое время Петри решил взять инициативу.

— Нужно рассказать полиции. Возможно, она поймёт тебя. Может, не посадят...

— «Возможно», «возможно», — раздраженно перебил настоятеля посетитель. — Это самое «возможно» как раз и убивает меня. Нельзя знать наверняка, что они сделают со мной.

Петри приподнялся со скамьи — раздался лёгкий скрип — и взглянул прямо в окошко перегородки.

— Всех нас съедает неопределённость, пока мы потакаем ей. Всё, что нужно, — это собрать свои страхи и признаться, хочешь ли ты действительно избавиться от них или тебе не мешает жить вместе с ними. Именно тогда никакой неопределённости не будет.

Исповедовавшийся молчал, и Петри решил продолжить:

— Какая-то доля неизвестности всегда будет преследовать нас, но большая её часть существует лишь потому, что мы не хотим разрешать свои проблемы, надеясь, что за нас это сделает время или кто-нибудь другой.

Настоятель услышал, как человек поднялся со скамьи и открыл дверь. Петри вышел следом за ним: ему показалось, что он чем-то обидел посетителя.

Человек стоял около исповедальни, косо поглядывая на вышедшего настоятеля.

— Мне есть над чем подумать. Спасибо.

— На то и есть церковь.

Раскаявшийся быстро пожал руку Петри и направился к выходу. Настоятель следил за тем, как массивная дверь медленно затворяется за посетителем. После глухого стука Петри стрелой побежал в кабинет.

Сев за стол, он открыл маленький ящик, достал старенький мобильный телефон и набрал номер.

Глава 17.

После того, как Кларк рассказал всё про грабителей Адаму, он покатил обратно к площади. Остановившись у светофора, откуда можно было как следует разглядеть место происшествия, Кларк увидел полицейскую машину и карету скорой помощи. Жертва преступников сидела на капоте одной из машин и давала показания, пока фельдшер обрабатывал ему рану на щеке.

Кларк не хотел вмешиваться в их работу. Тем более, если старик заметит его, то сразу укажет на него, а это неизбежно приведёт к очередному допросу. Не стоит говорить, что его нисколько не воодушевила даже мизерная возможность сызнова рассказать про его приключения на площади. Поэтому он плавно направил руль велосипеда в сторону и медленно поехал подальше, взяв курс на окраину городка.

Сечка, находившаяся под глазом, продолжала кровоточить, что изрядно трепало нервы Кларку. Раз в полминуты он вытирал стекающую к губам кровь и обмазывал её об футболку. Чем больше времени он проводил на улице, тем больше неприятностей себе наживал. Нужно остановить кровь, заклеить надоедливую сечку и со спокойной душой двинуться дальше.

На уме у Кларка была одна из аптек, владельцем которой был не то чтобы друг, но знакомый. Аптека находилась примерно в семи минутах от городской площади. Кларк не сомневался, что знакомый одолжит ему несколько пластырей в дорогу.

Во время пути к аптеке Кларк почувствовал новую волну обжигающей боли под глазом. Он приложил пальцы к щеке, убрал их и посмотрел на них — все они были в крови. Вся его левая щека была не меньше перепачкана кровью.

Сейчас, в этот самый момент Кларк подумал о том, что ему приятно ощущать боль. Создавалось ощущение, будто боль делала его живым. Он ещё раз посмотрел на измазанные кровью пальцы.

Я отправился кататься на велосипеде, потому что хотел что-то почувствовать, подумал Кларк. Всё началось там, в кладовой, когда я упал и рассёк себе лоб о раму велосипеда и почувствовал боль. Мне приятно ощущать, как от ниспадающей нагрузки забиваются икры, горят ступни и сводят руки от постоянного сжатия руля. Именно поэтому я помог тому старику на площади. Нет, я не герой. Нет.

Будь это обычный день, я бы просто позвонил в полицию и, отойдя на безопасное расстояние, стал бы кричать грабителям, что скоро придут оные. Но только не в этот раз.

Анджела бросила меня, прихватив с собой частичку моей жизни. Частичку, в которой были сосредоточены многие пережитые эмоции и воспоминания. Я хочу восполнить их. И проще всего сделать это посредством боли.

Это правда, было правдой с самого начала, хотя начал понимать это только сейчас. И только сейчас мне стало страшно, что ещё я могу вытворить, идя на поводу у таких деструктивных способов вернуть ту потерянную часть жизни. Но она умерла — сегодня утром это стало неотвратимым.

Велосипед Кларка подъезжал к дому, в конце которого находилась та самая аптека.

Так как это была почти самая окраина Ривертука, людей здесь было заметно меньше. Все местные старались провести выходной день поближе к центру города, где, очевидно, сейчас веселее и интереснее. Ещё одной причиной, по которой люди прогуливались в центре, был внешний вид окраины города: по правую сторону от Кларка тянулась вереница старых, облезлых кирпичных домов, слева простиралась засохшая пустошь, покрытая бесцветной травой и пылью, а немного дальше было видно несколько промышленных заводов — половина из них уже давно была заброшена, а из тех, что ещё чудом работали, из длинных красно-тёмных труб валил неприятного цвета дым. Некоторая часть этой отравы плыла в сторону города.

Впереди расстиралось шоссе, ведущее за пределы Ривертука. Ознаменованнием того, что вы покинули гостеприимный городок в Аризоне, был старый дорожный указатель с нанесённым на него перечёркнутым названием города. Если же свернуть в сторону сразу после указателя, то можно дойти до зловонного «Болота», а там и до церкви Петри.

Кларк остановился у аптеки и увидел, что внутри нет света. Он посмотрел на часы — было ровно одиннадцать тридцать.

Странно, подумал он, аптека должна открываться в девять.

Поставив велосипед на подножку, Кларк подошёл к стеклянной двери и всмотрелся внутрь. Никого не было. Он огляделся по сторонам в надежде увидеть продавца. Вокруг ни души — лишь ветер, наклоняющий в стороны сухую траву на пустоши.

— Отлично, — сказал Кларк.

Ближайшая аптека находилась почти в пятнадцати минутах езды отсюда. Учитывая, что Кларк не знает там продавца, то маловероятно, что ему даром дадут пластырь.

Кларк почти вплотную приблизился к витрине аптеки и с откровенной неприязнью осмотрел своё лицо. Он увидел, что кровь из сечки, почти добравшись до губы, засохла и остановилась. Тем не менее пластырь не помешал бы.

Ну что поделать? Никого нет.

Он не стал ждать, а вместо этого убрал подножку велосипеда и сел на него. Когда Кларк уже собирался оттолкнуться от земли, он увидел вышедшего из-за угла дома мужчину. Это был владелец и по совместительству продавец аптеки — Дуглас.

Заметив Кларка, Дуглас ускорил шаг и начал копаться в карманах. В его лице читался испуг и едва уловимая напряжённость.

— Кларк, — сбивчиво произнёс Дуглас. — Как дела? — он всмотрелся в его лицо. — Что с тобой?

— Хотел зайти к тебе. Я получил это, — Кларк указал на сечку, — в ходе непредвиденной драки. Есть пластырь?

— Бывают ли предвиденные драки? — Дуглас подошёл к двери аптеки. Он по-прежнему копался в карманах. — Не могу найти ключ.

Дуглас обернулся и внимательно посмотрел на сечку на лице Кларка.

— Какая ещё драка? Ты и драка?

— Спасал одного старика.

Дуглас уважительно поднял подбородок и достал отмычку.

— Ну ты герой, тут не поспоришь, — сказал он, повернувшись обратно к двери. Он нагнулся к замочной скважине и начал аккуратно ковыряться в ней.

Кларк с интересом наблюдал за его махинациями с замком.

— Ты умеешь вскрывать двери?

— Раньше я увлекался локспортом, — замок двери тихо щелкнул, — Пожалуйста, — толкая дверь, самоуверенно провозгласил Дуглас.

— Чем увлекался?

— Вид спорта, в котором участники соревнуются во взламывании замков.

Кларк вместе с велосипедом зашёл внутрь аптеки. Ему тут же в ноздри ударил привычный запах подобных мест. Дуглас включил свет, и помещение наполнилось ярким белым светом, который подсветил коробочки лекарств, колбочки и средства гигиены на полках.

— А это легально?

— Что? — Дуглас уже зашёл за стойку. — Аптека? Конечно. — Он взял пульт кондиционера, который валялся около терминала и включил его.

— Нет. Локспорт этот.

— Ну да. Замки же не от чужих домов, — он усмехнулся.

Кларк подошёл к дружелюбно улыбающемуся Дугласу. Он заметил, что глаза Дугласа отливали едва заметным красным оттенком, а руки непроизвольно дрожали.

— Найдётся пластырь?

Дуглас направился к одной из полок, взял пачку пластырей и вернулся к стойке.

— Четыре сорок пять, — сказал он, поставив пачку на стойку.

Кларк взглянул на невыспавшиеся глаза Дугласа.

— Денег нет.

— М?

— У меня нет с собой денег, старик. — сказал Кларк, похлопав свои карманы и ощутив лежащие в одном из них батарейки.

— Ладно. Бывает. Видит Бог, сейчас они тебе нужнее.

— Спасибо, Дуглас.

Кларк тут же открыл пачку, достал один из пластырей и наклеил на сечку.

— Не помешало бы сначала промыть, — наморщив лоб, сказал Дуглас.

— Да нормально, — он плотно прижал пластырь, чтобы тут не сорвался. — Куда ходил?

— Что? Я... Ходил в магазин. За водой. Духота невозможная.

— Понятно.

Кларк ещё раз посмотрел на взволнованное лицо Дугласа. После нескольких секунд размышлений он решил отчалить.

— Спасибо за пластыри. Увидимся, дружище.

— А то, — Дуглас смотрел мимо Кларка на улицу.

Кларк вывел свой велосипед на улицу. И снова ему пришлось пережить резкую смену температуры: кожа стала липкой и начала зудела, особенно в области шеи.

Мимо Кларка прошла женщина. Она на миг остановила на нём свой взгляд, в котором угадывалось что-то схожее со страхом или же с враждебностью. Когда звуки её шагов стихли, а она сама скрылась за поворотом, настала щемящая тишина. Кларк посмотрел назад на аптеку и увидел, что Дуглас исчез из-за стойки.

Совершив уже привычные действия, Кларк покатился дальше. Велосипед понёс его по дороге, стремясь к границе Ривертука.

***

Старая дверь, издающая скрипучие визги, не без помощи рук Роберта двигалась вад-вперёд. Пока ещё были силы, он решил смазать её. Около его ног стояла смазка, испачканная в тёмных пятнах тряпка и отвёртка, на случай, если понадобится подкрутить дверь.

После того как Адам ушёл, Шарлотта была словно не в себе. Она, как прокажённая, ходила кругами по улице. Моментами Шарлотта смотрела на перекрёсток, откуда пришёл помощник шерифа. Спустя около двадцати минут она зашла внутрь кинотеатра, взяла швабру и начала подметать пол. Роберт сказал ей, что в этом нет необходимости, по крайней мере сегодня. На что та ответила, что порядок нужно поддерживать всегда. В итоге её и без того перегруженный муж счёл её внеплановую уборку одним из способов занять ум.

Роберт взял масло и смазал петли двери, тряпкой подтирая стекающее масло. Когда с петлями было покончено, а руки перепачканы, он закрыл дверь и сделал несколько шагов назад. На небе до сих пор не появилось ни одного облака, так что дневного света было предостаточно. Роберт приблизился ко входу, медленно спускаясь взглядом по двери, словно пытаясь отыскать в ней изъян. Изучив довольно шаткую конструкцию, ему пришло в голову, что грабитель мог запросто выломить или взломать её, будь у того желание и время. Хозяин кинотеатра подошёл к двери, нагнулся и посмотрел на замочную скважину.

От удивления Роберт чуть ли не повалился спиной на тротуар. Обхватив руками края двери, он как можно ближе приблизил взгляд к замочной скважине.

— Немыслимо, — тихо проговорил он.

Замок двери был покрыт бесчисленными царапинами. Роберт не помнил, чтобы они были раньше. Но, опять же, когда он в последний раз пристально рассматривал замок? Ещё раз осмотрев дверь, он зашёл внутрь за Шарлоттой, чтобы показать свою новую находку.

Глава 19.

Высокий указатель, покрытый ржавчиной, который недвусмысленно намекал о том, что человек покидает пределы Ривертук-сити стоял в полном одиночестве. Свист ветра и звуки цикад — единственное, на что мог рассчитывать указатель в этот знойный день. На чёрном, как нефть, асфальте плыли длинные волны жара. На секунду ветер усилился и принёс с пустоши новую порцию пыли на дорогу.

Время одиннадцать сорок пять — раздались приближающиеся звуки шагов. Спустя пару минут чёрные высокие сапоги вступили на такой же чёрный асфальт. Шпоры, находившиеся сзади ботинок, поблёскивали на солнце. Владелец изящной обуви постоял с полминуты около указателя, затем решил идти дальше, как вдруг увидел приближающийся автомобиль.

Первым, кто увидел загадочного субъекта, был Майкл, сосед Кларка. Он ехал со своей женой за город на небольшой пикник. Когда Майкл пронёсся на машине мимо человека, одетого во всё чёрное, он посмотрел в зеркало заднего вида.

Редко можно было встретить людей, шныряющих по этому шоссе, особенно в такой жаркий день. И тем более — одетых полностью в чёрное. Майкл перевёл взгляд обратно на дорогу, не заметив, как начал стучать пальцами по рулю.

Когда машина Майкла удалилась на приличное расстояние, человек обернулся и попытался рассмотреть уменьшающуюся точку на шоссе. Повернувшись обратно, он не спеша зажег сигарету и направился в Ривертук.

Глава 20.

Брэд шёл в самой середине толпы. Карлсон поручил ему придумать гимн клуба «Хранителей женских сердец». Уже около двадцати минут он тщетно бился над сочинением третьей строчки.

Пока что выходило следующее:

«Детка, не страшись нашей мужской красоты. Мы те, кто сохранит твои тайны, согреет сердце и исполнит самые сладкие мечты».

Брэд подозревал, что гимн вышел слегка пошлым, но, учитывая средний возраст участников клуба, всем должно понравиться. Самому Брэду гимн нравился тем больше, чем чаще он прокручивал его в голове.

— Только вперёд, братья! — крикнул кто-то из толпы.

В ответ раздались радостные возгласы детских, надломленных голосов, больше похожие на крики чаек.

Карлсону было доверено вести толпу, ведь он, можно сказать, является создателем «Хранителей женских сердец».

— Кого мы любим?

— Женщин! — хором ответила толпа подростков.

— Кого мы защищаем?

— Женщин!

В нескольких метрах от толпы, возносящей дифирамбы женщинам, на газоне стоял простенький деревянный стул, на котором восседал Миллер. Шланг прекратил полевать траву, и теперь он всю наслаждался прохладным пенным напитком.

Достав из термоса четвертую бутылку пива, он удобно устроился в кресле и раздумывал над тем, где бы подешевле купить велосипед. Миллер посмотрел на соседний дом, где жил Кларк.

Вот завтра начну заниматься спортом, сделал глоток пива, подвёл итог Миллер. Максимум — послезавтра.

Он поднял бутылку к солнцу и замороженно посмотрел на поднимающиеся к горлышку маленькие пузырьки. Затем ленивым взглядом окинул чистое голубое небо и улыбнулся.

— Ну, может в понедельник, — довольно промурлыкал Миллер.

Спустя пару минут, он начал посапывать.

— Кого мы любим?

— Женщин!

Миллер резко выпрямился на стуле, отчего тот накренился в сторону. Сосед Кларка принялся махать руками, проливая живительный напиток на газон, до тех пор, пока не рухнул на газон вместе со стулом. Хорошо приложившись подбородком, Миллер испуганно поднял голову и увидел около своего участка толпу подростков. Оценив свои шансы и не упустив из виду численное преимущество детей, он решил не срывать их митинг.

Улёгшись на тёплом газоне, Миллер провожал подростков, время от времени допивая оставшееся пиво. Когда толпа скрылась из виду, сосед Кларка решил показаться миру — он тяжело поднялся, сопровождая это громким кряхтением, и нацелил свой цепкий взгляд на ящик.

Когда Миллер восстановил способность передвижения, он поплёлся к ящику, достал бутылку пива, открыл её и вернулся к тому месту, где недавно лежал. Оглядев следы своего тела на газоне, Миллер аккуратно прилёг обратно.

— Секта какая-то — заключил он и сделал глоток пива.

***

Шарлотта следила за быстрыми передвижениями рук Роберта. На улице стало ещё жарче, и ей хотелось поскорее вернуться в кинотеатр. Её начало пугать, что муж с каждым часом придумывает всё больше и больше теорий по поводу разбитой витрины. По мнению самой Шарлотты, полиция должна сама разбираться с этим злодеянием, а не она и Роберт.

— Значит, выходит так: преступник пытался взломать дверь кинотеатра, но у него не получилось. Тогда он решил разбить витрину и таким образом проникнуть внутрь. —

Роберт быстро замотал головой.

— Шарлотта, где полицейский? Я иду к нему.

Та широко раскрыла свои изумрудные глаза. Бросив метлу на тротуар, она крепко схватила Роберта за руку и прижала его к себе.

— Успокойся, Роберт. Ты перенервничал. Адам ещё придёт к нам, и ты всё ему расскажешь. Мне кажется, что у тебя скоро случится солнечный удар, — она приложила ладонь к его лбу.

Роберт отмахнулся от Шарлотты и отошёл в сторону.

— Не глупи. Когда он придёт? Через день? Два? Три?

Шарлотта попыталась что-то ответить, но начала заикаться.

Роберт ждал, когда она скажет что-то стоящее, но, так и не дождавшись, выпалил:

— Пора действовать. — Он посмотрел на разбитую витрину. — Они ответят за это.

— Милый, прошу тебя...

Роберт резко повернул голову в противоположную сторону: он услышал какие-то крики. Шарлотта посмотрела туда же.

Через минуту на улице показалась толпа подростков. Из-за длительного напряжения в гортани их крики сменились воем, словно сейчас режут стадо баранов. Тинейджеры сотрясали барабанные перепонки прохожих, получая в ответ вполне заслуженные осуждающие и презрительные взгляды.

В тот момент, когда клуб «Хранители женских сердец» поравнялся с кинотеатром, Роберт посмотрел на идущих впереди мальчуганов. В первых рядах было трое человек: Брэд, который в сотый раз повторял гимн клуба, Карлсон, слушавший его, и Даниэль.

Хозяин кинотеатра изучающе прошёлся по лицам трёх лидеров клуба и обратил внимание на Даниэля. Точнее на его перебинтованную руку. Роберт непроизвольно сделал шаг вперёд и тогда Даниэль посмотрел на Роберта, затем на разбитую витрину. Его лицо тут же залилось краской, а рука, что победоносно взмывала в воздух при ответе на вопрос «Кого мы любим?», быстро опустилась и спряталась за спину вслед за второй.

Порез на локте Даниэля начал свербеть, но это было скорее самовнушением. Холодный пот увлажнял его разгорячённые виски. Он перестал выкрикивать фразы клуба и растерянно смотрел себе под ноги, не решаясь, как прежде поднять голову. Вся та энергия, что захлестнула его мощным потоком, в миг испарилась. Даниэль ускорил шаг, пытаясь как можно быстрее пройти на соседнюю улицу, но не учёл, что при такой ходьбе вскоре окажется впереди толпы. Таким образом, он подарил Роберту возможность лучше рассмотреть его.

Даниэль притормозил, дождался, когда подростки догонят его и, снова вместе с ними направился дальше по улице. Однако Роберт хорошо рассмотрел лицо Даниэля и запомнил его.

— Кто это? — спросил Роберт у Шарлотты.

— Кто?

Роберт повёл жену за собой, пытаясь догнать первый ряд толпы. Когда им удалось, он указал пальцем на побледневшего Даниэля.

— Вот этот. Третий от нас, впереди.

Шарлотта вгляделась в лицо школьника.

— Не знаю... Обычный мальчишка. — Она обвела взглядом толпу. — У них что-то вроде митинга?

— Митинг в честь женщин, — проговорил Роберт.

Спустя время клуб «Хранителей женских сердец» дошёл до перекрёстка и повернул налево, на улицу, ведущую к городской площади.

Глава 21.

Человек, одетый во всё чёрное — кожаная куртка, чёрные штаны и чёрные высокие сапоги, — подходил к первым домам Ривертук-сити.

Он неожиданно остановился и оглянулся назад — перед ним предстала слабая в плане эстетики картина: высохшее поле, выглядевшее так, словно оно пережило ядерную войну, и верхушка церкви Петри, торчащая из деревьев маленького леса. Ничего более интересного для себя человек в чёрном не подметил, поэтому повернулся обратно и осмотрел ближайший к нему трехэтажный дом, отделанный из красного кирпича, который успел потерять свой первоначальный цвет. В этом доме не было ни магазинов, ни каких-либо других заведений. Человек пошёл дальше.

Он достал новую сигарету и не торопясь зажёг её. На нём были солнцезащитные очки, линзы которых он аккуратно протёр рукавом куртки. Его глаза настолько привыкли к затемнённому миру, что он боялся их снять.

Когда человек достиг первого дома, то повернул налево, намереваясь выйти к центру города. В центре должно быть много людей, что, с одной стороны, хорошо, а с другой плохо. Слившись с толпой, человек в чёрном сможет спокойно изучить город. Сейчас нельзя было «светить» лицом и привлекать к себе излишнее внимание. Хотя, судя по его прикиду, этого не скажешь. Поняв, как нелепо он будет выглядеть в городе, человек снял кожаную куртку и перекинул её через руку.

На его мокрой от пота серой футболке была нанесена слегка потрескавшаяся надпись: «Чемпионат по локспорту. 2017 год. Дельта, штат Юта.»

Часть 3.

Глава 22.

Пластырь, которы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.